

66.3(2 Рос-6x)11

П 44

н
8/к

В.В. ПОЛЕЖАЕВ

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ ЧИПАН

АБАКАН • 1997

+

66.3(2700-6x)1

П 49

В.В. ПОЛЕЖАЕВ

56409444

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ ЧИЛАН

(Сборник публицистических рассказов)

АБАКАН • 1997

ББК 83.3(2Рос.-Хак.)

П 49

Спонсор — ПСК "Монолит"
(руководитель В.С. Астанаев)

Полежаев В.В.

П 49 **Первая женщина из Чилан** (сборник публицистических рассказов). — Абакан: отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО "РОСА", 1997 — 76 с.

ББК. 83.3(2Рос.-Хак.)

© В.В. Полежаев, автор, 1997

© М. Тутарков, фото, 1997

© Л. Кискидосова, портретные рисунки, 1997

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книжечка, задуманная мною не один год назад, в основном о людях Хакасии. Известных людях. Есть и исключения. Несколько главок посвящено тем, кто так или иначе связан был с Хакасией. Люди это тоже известные, даже легендарные.

Впрочем, дело даже не в известности. На первом месте для меня — личная симпатия к тому, как эти люди относятся к своему делу, а точнее — творчеству. Именно близостью какой-то стороны характера, мироощущения они и стали для меня добрыми знакомыми, а некоторые — друзьями. И это заслуга их, а не только моя.

Эти "разговоры за жизнь" я бы не стал называть очерками. От этого слова веет скукой. Для меня подобный жанр, к тому же, отдаст заданностью: вот надо, мол, написать об этом (или другом) человеке. Мои же собеседники, хоть некоторые из них и действительно герои, — люди для меня любопытные не в жанровом, а жизненном плане. И я постарался рассказать о каждом из них так, как воспринял их душой своей. И не обязательно кому-то соглашаться с моим восприятием жизни и творчества этих, уже известных и без меня, людей.

За скоростью нашей жизни, каждодневной занятостью, которая с каждым годом для взрослого человека нарастает, пока не хватило времени неторопливо рассказать и о некоторых других известных людях Хакасии, которых я уже взял на примету для того, чтобы поделиться с другими миром их интересов, умонастроений, любопытными поворотами творчества и судьбы. Все в Божьих руках!

Одно могу свидетельствовать: эти рассказы писались не для того, чтобы быть просто написанными и тем более не к установленному сроку: не переносу, повторяю, заданности. Подарили будни светлую встречу, как день подарит редкое солнышко — и дорого тогда это, и слава этому закономерному случаю.

Вот почему так получилось, что под одной обложкой близкими соседями стали эти невыдуманные зарисовки, написанные с 1990 по 1997 годы, между которыми в жизни — месяцы и месяцы авторского молчания.

Любовь моя — слово. Когда-нибудь об этом я напишу отдельно. Я овладел своей работой настолько, насколько могу от природы обладать этой способностью: отображать жизнь словом. Границы своих возможностей я уже знаю. Они для меня достаточны, чтобы получать удовольствие от литературного дела. А если пишущий не получает такого удовольствия, то и читатель (это мое искреннее убеждение) не получит и тени подобного чувства. Словом, оно есть, наслаждение творчеством. Хотелось бы надеяться на читательское сопереживание.

Все эти слова были бы ни к чему, если бы в издании этой книги мне не помог Василий Сергеевич Астанаев, известный теперь и за пределами Хакасии строитель. Он вместе с другом своим по работе, а, главное, по жизни Александром Викторовичем Чучуком создал родное детище — производственно-строительную компанию "Монолит".

Василий Сергеевич вырос в многодетной семье, у Александра Викторовича тоже было непростое взросление. Отсюда у них — искреннее отношение к каждому, нуждающемуся в их поддержке. Зримые достижения в строительстве в Абакане и республике, в чем заслуга "Монолита", не изменили их чисто человеческих качеств. И даже чрезмерная занятость не отняла у Василия Сергеевича и Александра Викторовича возможности внимательно относиться к людям, как не отняла у них и улыбку.

Василий Сергеевич любит повторять, что он строитель и ничем другим в жизни больше не занимается и заниматься не будет. А я — человек пишущий, и по-своему, словом добрым и не лицемерным, благодарю "Монолит" за оказанную помощь.

Вернемся к книжке. Готовя свои рассказы к печати, я не стал вмешиваться в их текст из-за того, что прошло некоторое время со дня их написания, что-то подгонять задним числом под изменения сегодняшнего дня: пусть в них отразится, остановившись, то первозданное времяизмерение. Именно в дни выхода книжки сгустились тучи над судьбой Алексея Козловского. Оставляю рассказ о нём с верой в лучшее... Уже не было на свете Анатолия Кыштымова, или, допустим, Николая Доможакова, когда я начал писать о них, умер писатель Сергей Пестунов, у которого, в день его шестидесятилетия, я всего четыре года назад был на родине. Ушел из жизни и легендарный Кантария...

Вы поймете мои чувства. Да, да... "Иных уж нет, други далече". Спротивляется человеческое сердце тому, что все течет, все изменяется. Но, что бы ни случилось, жизнь продолжается. Ходят по моей земле солнечной люди, которые делом, творчеством возвеличивают родную Хакасию. Да и разве те, кто ушел уже от нас, забыты памятью родной земли?

Автор.

I. "Я ЖИВУ НА ОТКРЫТОЙ ЛАДОНИ..."

"Я ЖИВУ НА ОТКРЫТОЙ ЛАДОНИ"

Раньше меня всегда удивляло, что поэты или писатели, как правило, до своей известности попробовали себя во многих профессиях. Я по подростковой наивности считал, что настоящий поэт, например, с детства должен стремиться идти своей дорогой: школа — литературный институт — творчество. И не признавал поэтов-военных, поэтов-плотников и т.д. Но потом как-то уяснил для себя, что можно быть поручиком Лермонтовым и писать стихи, журналистом Горьким — и писать рассказы, врачом Чеховым и — драматургом. Да, мой

подростковый идеализм и максимализм разбился о действительность. Все оказалось банально: писатели-то, оказывается, живут на земле! И тоже хотят одеваться, есть, бывать в гостях. И никто тебя, поэта, вовсе не ждет с новыми шедеврами, чтобы тут же заплатить за них звонкой монетой. И совсем розовая пелена спала с глаз, когда постепенно стал узнавать, что многие талантливые, даже гениальные люди умерли в нищете или были забыты ещё при жизни своими современниками. Такая несправедливость сильно повлияла на мое, оказывается, романтическое восприятие жизни. И, чтобы уж закончить об этом, добавлю: писатели рождаются не обязательно в литературном институте. Так очень верно пошутил один юморист, правда, никому не известный.

До того, как стать профессиональным литератором (а может, такое определение вообще не приложимо к творческим людям?), поэтесса Наталья Ахпашева (вот ведь неписанный закон) тоже попробовала

себя во многих профессиях. После окончания Абаканского филиала Красноярского политехнического института (!) будущая поэтесса работала инженером-электриком Красноярского завода тяжелых экскаваторов, потом — инженером Усть-Абаканского управления оросительных систем. И выпускающей областной газеты "Советская Хакасия" тоже успела побыть, но перед этим, правда, уже закончила литературный институт имени М.Горького в Москве. И у нее уже был выпущен первый поэтический сборник "Я думаю о тебе" (1990 год).

Честно сказать, когда я видел Наташу в УПП "Хакасия" в рабочем халате, склонившуюся над полосой газеты, не совсем понимал, почему она не найдет себе более достойной, как тогда считал, работы. К тому времени я уже прочитал первый ее сборник стихов. Понравился. Не знаю до сих пор: недостатком или достоинством этого сборника было, что почти весь он состоял из любовной лирики. Помню, дежуря по газете, я с улыбкой попенял ей на это жанровое однообразие. Она легко согласилась — видать, тоже думала об этом, хотя не без авторской иронии напомнила мне в ответ о заглавии сборника.

После, в 1993 году, уже не в Красноярском книжном издательстве, а в Хакасском республиканском издательстве "Айра" вышел ее второй сборник "Солярный круг". Уравновешенный, разнообразный в жанровом отношении, представленный многими зрелыми стихами. Конечно, есть и другие публикации у Натальи Марковны: в республиканских и краевых газетах, даже в "Вечернем альбоме" издательства "Современник", где была представлена женская русская поэзия — от "Ахматовой до Ахпашевой", — как сказала не без лукавства Наталья Марковна, будучи уже председателем Хакасского отделения Союза писателей России (ее избрали на эту должность в 1992 году, а через два года — и на второй срок). К этому времени она стала уже и членом правления Союза писателей Российской Федерации. Вот так, незаметно для других (но не для себя), газетная выпускающая в рабочем халате превратилась в поэтическую Золушку.

Отпусти

Я смертна. Я устала.
Затянули сумерки окно.
Смотрит из портретного овала
Лучшая, которой все равно.
Ты не зря когда-то постаралась
Над ее любовью и судьбой.
Как и я теперь, она склонялась.
Вечером над проклятой строкой.

Это Наташа пишет о своей любимой поэтессе. А пишет (хоть это неточное слово) она именно по вечерам: "Мое рабочее время — после десяти вечера и дальше". Эх, хорошо было классикам в прошлом веке — не было тогда телевизора! Наверное, поэтому в минуты, когда "голубой вампир" пьет драгоценное время, моя героиня и написала безапелляционные строки:

Я убью телевизор собственной рукой.
Вырву с мясом жесткие усы антенн.
Мне доктор рекомендует покой.
У меня депрессия от актуальных тем.
В Красноярском крае — минус пять,
А где-то плюс и перестрелка всю ночь.
Прогноз погоды не перестанет лгать.
Воскресная проповедь не может помочь.

Но это — попутно. Продолжим уже другим стихотворением ее рассказ о своем поэтическом идеале:

Давно за полночь.
В поднятые руки
Уткнусь устало перегретым лбом.
Тяжелый профиль царственной старухи
Молчит в овале над моим столом.

Это, несомненно, об Анне Ахматовой. "Она — недосыгаема, — сказала мне Наташа. — А еще мне нравятся Блок и Набоков".

Темно во мне начало Инь
И добрым мыслям не подвластно.
Глаза языческих богинь
К вискам заужены прекрасно.

Откуда же она, языческая богиня? Буквально — из Аскиза. А если подойти к этому чуть философски... На Салбыкском кургане среди шелеста цветущего ковыля, под июньским шелковым небом я впервые услышал ее вызывающие строки:

Здесь проходили караваны
Кочевников.
И каждый год
Кололи черного барана
И кровью мазали мне рот.

Потом эти ее строки я слышал год спустя, ранним вечером, на берегу своенравной бирюзовой бурлящей Катунь в Горном Алтае. На

даче одного писателя среди камней и цветов было праздничное застолье, и она, представительница Хакасии, вновь прочла тогда именно это произведение — "Древние изваяния", которым, кстати, открывается и "Солярный круг". Недаром! Этим поэтическим признанием поэтесса Наталья Ахпашева, мне думается, нашла себя в нашем историческом подлунном мире.

— Я интуицией наткнулась на свою степную неповторимую тему, — как-то сказала откровенно Наталья Марковна. — Эта тема, наверное, моя генная память. Она пришла ко мне не из сказок. Как будто бродит ощущение себя как потомка кочевников-завоевателей. — Она немного подумала и добавила: — Впрочем, и в русской литературе сильно звучит степная тема, начиная со "Слова о полку Игореве". Я на все это смотрю, понятно, со своей стороны.

Уже немало привел я отрывков из стихотворений поэтессы. Но как рассказывать о ней — и не прибегнуть к этому? Сейчас, тем не менее, давайте вернемся к любовной лирике Натальи Ахпашевой (прошу не путать автора с ее лирической героиней). Считаю, что в этом жанре творчества наиболее ярко выражен природный талант, уровень мастерства, чувство художественного слова поэтессы.

Соскользнет торжественная робость
Ворохом одежд к босым ногам.
Будет ночь.
Ты рухнешь в эту пропасть ...

Или:

Присели по обычаю. Но дверь
Томительно была полуоткрыта.
Ждал чемодан, как умный черный зверь,
Хозяина и улыбался сыто...
На цыпочки отчаянно привстав,
Не в губы — мимо почему-то — ткнулась.
Моя сережка за колючий шарф
Вдруг зацепилась и назад рванулась.

Посмотрите, какие вдохновенные находки: "торжественная робость", "сытый чемодан". А как зацепилась сережка за колючий шарф и назад рванулась — я словно слышу! Известно и другое: вдохновение приходит через "муки слова".

— Плоть моих стихов, если заметили, скупая, — сказала Наталья Марковна. — Ведь нет новых слов, свежих эпитетов. Но, сама замечая, больше стало психологии в произведениях. Если раньше

преобладали в строках зрительные образы, то теперь появились и запахи, и звуки, и ощущения.

А ты мне приснился намердн.
Иду и шепчу про себя.
На лестнице плачут ступени,
Как будто бы помнят тебя.

А вот — из другого стихотворения:

Оставленная на перроне,
Стесняясь бесполезных слез,
По человеческой ладони
Тоскую, как забытый пес.

Подобные (подсознательные) ощущения Лев Толстой называл бессознательной жизнью — самой правдивой в человеческом существовании.

— Почему вы, Наталья Марковна, избрали поэзию?— хитровато спрашиваю я. И слышу ответ, который и намеревался от нее услышать:

— Это, наверное, она меня выбрала. Поэзия, на мой взгляд, передает ощущения, которые трудно выразить прозой.

— С чего зарождается ваше новое стихотворение?

— У каждого поэта, думаю, по-своему. У меня — от слова, вдруг услышанного в толпе, от строчки, вычитанной в книге, от какой-то информации по радио или телевидению... Постепенно начинает работать фантазия, и это "нечто" обрастает языковой плотью. Если созданные строчки режут слух, — тон выбран неверный. Если при чтении строк охватывает чувство гармонии, волнение — значит, все в порядке.

Тут она меня, можно сказать, поразила, заявив: "Я гармонию алгеброй выверяю!" Заметьте: не чувством, а...алгеброй. Тем не менее (слава Богу!) политехническое образование ей не мешает, а, наоборот, помогает в творчестве.

Еще неожиданнее и смелее было ее признание в том, что она (как поэт) больше Сальери, чем Моцарт: "Ум должен быть холодным при творческом процессе". Что ж, владеть ремеслом — необходимая вещь. Но сперва поэт, думаю, выступает как Моцарт, как вдохновенный фантазер, а уж потом его заменяет Сальери. Впрочем, что это я? Спорить по творчеству бессмысленно: читателю важен поэтический цветок, а не то, что способствует его расцвету.

Нисколько не считаю, что Наталья Марковна Ахпашева, будучи председателем Хакасского отделения Союза писателей России, для местных Моцартов, если они действительно есть, является

административным Сальери. Наоборот, ее задача на этом посту — создать такую творческую среду, чтобы в ней смогли появиться свои Астафьевы, свои Есенины. Пока же она занята созданием "рабочей литературной среды" в самом хорошем понимании этого слова. При ее участии приняты в Союз писателей России Сергей Карачаков, Галина Казачинова, Андрей Халларов, Алексей Козловский, Владимир Балашов, Генрих Батц, Илья Топоев. Они каждый по себе — сформировавшаяся творческая личность. Возможно, в этой среде и появится уникальный, ни с чем не сравнимый литературный голос.

— Сегодня, при возрождении национального творчества, я отдаю себе отчет в том, что нынешняя хакасская литература формирует современный национальный язык, — делится своими мыслями собеседница, — конечно, формирует в своих лучших литературных проявлениях. Важно взаимообогащение хакасской и русской литератур, ее воспитательное воздействие на нас с вами. Возращивание любви к малой родине, высокой духовности в молодом поколении — наша общая творческая забота. И потому мы должны идти к читателю с искренним словом.

В эту минуту Наталья Марковна была, как и подобает при ее должности, серьезной. И искренней, как поэтесса. Ведь ее жизненная позиция: чтоб тепло было от её поэтического дыхания другим людям. Потому и сама она, не боясь сломать крыло свое хрупкое, живет всегда будто на открытой ладони.

В этом году в издательстве Хакасского университета готовится к выпуску очередной поэтический сборник Натальи Ахпашевой "Тысячелетие на исходе". В нем будет помещен поэма "Тик-так", близкая по тематике к названию сборника.

Я лично жду от этого сборника новых для себя поэтических открытий.

ОН УСПЕЛ СКАЗАТЬ СВОЁ СЛОВО

Я помню, как незадолго до его смерти встретил Анатолия у театра. Стоял благоуханный цветочный август. Мы присели на скамейку. В руках мой студенческий друг держал бережно, как ребеночка, пунцовые тюльпаны. "Это кому еще?" — удивился я. "Даме", — в упор, не уступая моей игривости, и как-то просто ответил он. Она была для него любимой. В этом — ключ его трагизма.

Под солнцем весело, с улыбками и хохотом, легко поговорили мы с полчаса. Потом он поднялся, махнул коротко красными нежными тюльпанами и, торопясь, легко перебежал улицу, удалился, растаял в скверике. Оказалось, я его видел в последний раз. И никакого предчувствия! Только подумал: "Ну и Кыша! Наивный, как ... поэт".

Вот уже никогда не думал, что о нем буду писать воспоминания. Между прочим, на скамейке мы, поддакивая друг другу, без горечи рассуждали о том, что из нас ничего не получилось. "Вот знал бы я, что мне писать стихи — призвание, а тебе, допустим, рассказы, — говорил он, — мы бы этим и занимались. Впрочем ... — приостановился он, — мы ведь пишем. А зачем, а кому?" С тем и расстались.

...Познакомились мы с ним в пединституте в 1972 году, на первом курсе филфака. Простой. Ироничный и смешливый. Он не терпел манерности в людях, высмеивал неискренность, официальность отношений. На этом сошлись.

Мы часто сидели вместе на лекциях. Почему-то особенно на скучных лекциях хорошо было сочинять какие-то стихи. Он писал. Я писал. Потом обменивались, пряча взгляд от преподавателя. Вышучивали друг друга. Тыкали друг друга в бок кулаками. Мои стихи были правильные, но не трогали даже меня самого. А его, я это хорошо осознавал, были удивительно завораживающие, очаровательные. Бывало, он подцепит меня на перемене, прочтет что-то свое. Потом смотрит ожидающе — смеющимися глазами. Чаше я горячо хвалил его. "Во!... — расхохочется он. — Так уж я тебе поверил. Белинский что ли?" И я гнался за ним, уже убегающим.

Как-то я услышал от него одно стихотворение (полностью сейчас не помню), но одна строка запала в душу. Она тогда меня и остановила: "нырял во хмель твоих колен". "Как это здорово! — сказал я ему. — Это же на уровне Есенина. Я не шучу!" — "Во, загнул!" После этого я стал собирать его стихи — самые лучшие на мой взгляд. За четыре институтских года набралось у меня 70 стихотворений. Я ему не раз об этом говорил. И вот как-то он предложил мне: давай, мол, я эти стихи сделаю книжкой с рисунками и тебе подарю.

Я был не против. Я уже знал и не раз видел, как он сам выпускает свои книжки с прекрасным каллиграфическим почерком, с рисунками, которые, как и стихи, передавали настроение. Тут он был похож на Лермонтова. Как он рисовал! Собрал я бережно хранившиеся листочки с его стихами, написанные то его рукой, то переписанные моей, и отдал ему. Знал, он исполнительный. Так хотелось увидеть его стихи в книжечке "Самиздат". Так он подписывал свои выпуски стихотворений. Какие рисунки придумает к стихам, как их расположит на страницах? Но шли месяцы, Анатолий затягивал дело, все говорил: "Конечно, сделаю!" Потом уже я и перестал просить, обидевшись. Но надеялся: никуда не денется! Так и пропало все, что собирал я у него за время студенчества.

Когда узнал, содрогнувшись, о его внезапной смерти, как я сожалел о том, что отдал ему эти семьдесят стихотворений! Это было бы и мое достояние, и достояние того же Хакасского республиканского издательства, которое сейчас готовит к выпуску первую книгу стихов Анатолия Кыштымова. Какие-то самодельные книжечки остались от него у жены Людмилы, какие-то стихи — в Хакасском отделении Союза писателей, какие-то — у друзей.

Бывало, за день он писал по пять, а то и семь стихотворений. Я сам от него слышал, что под койкой дома (в селе Московском Усть-Абаканского района) у него валялось, мол, несколько общих тетрадей, исписанных стихотворениями. А сколько бумажек со стихами носил он в лекционных тетрадках! Говорили, перед смертью он, плача, сжег много стихотворений в печке газгольдера в ванной комнате...

Помню, пришел в общежитие на вечер. Были танцы. Зашел в его комнату и попятился. Во всю стену, метра два на полтора, над его койкой висел портрет Сергея Есенина, нарисованный черной тушью на белом ватмане. Он его "снял" с фотографии, ставшей настольной у многих почитателей знаменитого поэта. Портрет на ватмане, ручаясь, был гораздо выразительней и поэтичней, чем сама фотография Есенина.

Удивлять умел Толик и стихами, и рисунками. "Нарисуй мне Лермонтова", — тут же попросил я его. Он согласился, но просьбу не выполнил — надвигалась сессия. После танцев заходим в комнату — ба! Стена голая, портрет на ватмане "увели".

Раз за партой, на занятиях, выуживаю у него из листков одну бумажку с коротким стихотворением. Вот оно:

На полустанке вечер,
Мать в стареньком пальто...
К ней, вышедшей на встречу,
Так и не слез никто.

Эти стихи привел по памяти. Так и вижу старую мать на одиноком полустанке, чувствую ее горе, вижу равнодушно пролетевшие поезда...

Как все неожиданно в его стихах. Ну вот, например, некоторые выписки:

Духами "Красная Москва"
Доносит от березы белой ...
Краснеет, как снегирь, трава.
И я краснею... Значит, слею!
И все вокруг красно-красно...
Таким бывало на закате
Твое крыльцо, твоё окно
И волосы твои, и платье!

Или вот еще:

И были дни печальные,
как слезы,
А может, календарные листки?
И береста стекала по березам,
Чтобы ромашек красить
лепестки...

А вот стихотворение, где есть и краски, и звуки;

Я слушал, затаив дыханье,
Как платья легкое шуршанье
За вашими шагами шло...
Как будто зверь за вами
крался...
Я так боялся, так боялся,
Что прыгнет он! Но все прошло.
И вы уже остановились,

На вашем платье бледный
вырез
Блеснул серебряным веслом ...

А вот двестише, как легкое головокружение:

Ты моя маята, тишь.
За кружевом куста
Ты в голубом стоишь.

Прекрасное не надо анализировать. Оно прекрасно, и это уже искусство.

Он меня иногда пугал не то выдуманным, не то реальным. Если это, о чем сейчас расскажу, было выдумано, то — здорово! Если нет, то как будто с ним начинало происходить что-то тяжелое.

Однажды он мне рассказал следующее: "Я раз иду со свидания. Поздно. Луна высоко-высоко светит. И надо проходить мимо кладбища — ну, что у автоколонны № 2038 в Абакане. Старое такое. Смотрю, у ворот кладбища стоит девушка в белом. Я — быстрее, быстрее ходу. Не знаю, бояться или нет ее. Поравнялся, во все глаза смотрю на нее, запинаясь. Вдруг она говорит (а руки скрещены на груди) холодно так, ровно: "Что, боишься?" Я отвечаю: "Да, б-боюсь". И тут она: "Я когда живая была — тоже боялась!" У-у-у! Как я рванул оттуда без оглядки!"

Другая его притча, наверное, была философского направления, без всякой мистики: "Людам Бог дает Солнце — и они прячутся от него под дерево, людам Бог дает дождь — и они прячутся от него под зонтиком, людам Бог дает смерть — ... и они ее принимают".

... Когда Анатолия Кыштымова не стало, собственно, мало что изменилось. Горько было, а жизнь текла чередой. Но талант сам себе проложит дорогу, даже после своей смерти. Скоро помаленьку начали вспоминать стихи его. Появились публикации в газете "Советская Хакасия", "Районный вестник", других газетах. Свою роль тут сыграла поэтесса Лариса Катаева, которая в свое время и "вытащила" Толика, услышав стихи его со сцены ДК в селе Московском.

В одну из годовщин его гибели мы совместно с Ларисой Катаевой, его женой Людмилой, артистами драматического театра имени М.Ю. Лермонтова и театра кукол "Сказка" организовали поэтический вечер, посвященный памяти поэта Анатолия Кыштымова. Звучали (впервые) его стихи со сцены в исполнении артистов, под есенинский гитарный перебор...

Я слушал и не верил: неужели это его стихами, наконец, заинтересовались люди? А он никогда уже не услышит, никогда уже не узнает... Неужели он, до конца не веривший в себя, на людях с насмешкой относившийся к своему творчеству, все-таки зазвучал?! Непризнание тоже, видать, не последнюю роль сыграло в его смерти. Сохранилось недописанное письмо его в журнал "Юность", лежали без движения его стихи в Хакасском отделении Союза писателей ...

Снег лежит на земле —
Неба вечный светильник...
Марширует будильник
На тревожном столе ...

Эта тревога постоянно жила в душе у него. Время уходило, написаны были сотни стихов — а даже мизерного признания так и не пришло. Развивалось одиночество, заставлявшее его метаться по жизни. И появились строчки: "Раз живу, раз родившись, и где-то вдали раз умру — на всю жизнь". Не вдали все было уже, а близко. И трагические строки эти, обращенные к себе, стали эпитафией на его памятнике...

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ ЧИЛАН

"Я хорошо знаю и очень люблю свою землю. Здесь косила, собирала ягоды... О, счастливое, трудное детство! А потом мы продавали эту ягоду и покупали калачи. На дороге нас с подружками всегда встречал пастух дядя Степа. Мы с ним делились теплыми калачами. Но он всегда находил предлог, чтобы дорогим хлебушком накормить и нас. Мы ж голодные дети были, он понимал это. Поэтому с детства я преклоняюсь перед своими земляками", — так вот просто и задушевно рассказывала нам Валентина Гавриловна Шулбаева на своей родине о земляках, начале своей жизни.

Она добрая, щедрая душой, я это очень хорошо увидел. И потому счастливая в людском мире. Она так и сказала: "Я — самый счастливый человек, и не потому, что стала известной в Хакасии. Нет. У меня просто много друзей: журналистов, писателей, режиссеров, редакторов, актеров. У меня были минуты, часы, когда я общалась с известными в стране людьми: Олегом Ефремовым, Олегом Табаковым, Георгием Товстоноговым, Евгением Лебедевым, Владимиром Высоцким, наконец, Виктором Розовым, Алексеем Арбузовым... Человек должен хотеть чего-то в жизни, быть целеустремленным и тогда добьется своего.

Тут вот недавно встретила знакомую, а она мне и говорит: "Ты, Валя, на тройки в школе училась, а вот стала такой известной, писательницей. А я — на пятерки, а толку что?.." Без цели, видите, можно проглядеть свою жизнь. А начинала я с чего? Поехала в Ленинград, в институт, в ...фуфайке. А в институте одевались девочки, как на параде мод. Через некоторое время моя мама продала в Чиланах корову, я везла в Ленинград большие деньги на пальто. У меня дорогой их украли. Когда я обнаружила это — как стояла, так и упала ... Но жить надо было! С тех пор у меня мечта осталась — красиво одеваться".

Валентине Гавриловне Шулбаевой — драматургу Хакасии, главному редактору Хакасского республиканского книжного

издательства, исполнилось 55... Первая встреча с земляками проходила в таштыпской средней школе № 1. Мы туда чуть припоздали. Директор школы Л.А. Третьякова с улыбкой попеняла нам: "Что ж... творческие люди!" А педагоги живут ведь по звонку. Но творческий вечер был настолько трогателен, что в конце его, я видел, Лидия Алексеевна от переполнивших ее чувств даже... всплакнула. И я подумал: да, этот вечер был не "для галочки", не от звонка до звонка. Сколько добрых чувств пережили и дети во время встречи с Валентиной Гавриловной!

Министр культуры Хакасии Владимир Герасимович Чаптыков был взволнован, когда от имени правительства и Верховного Совета Республики Хакасия объявил залу о присвоении Валентине Гавриловне, находящейся тут же, перед людскими глазами, звания "Заслуженный деятель искусств Республики Хакасия", о награждении юбиляра цветным телевизором "Фунай". А в Бутрахтинской средней школе, где проходила вторая встреча с писательницей, министр культуры "от своего ведомства" накинул ей на плечи, такие хрупкие, богатый цветастый платок-шаль. А раз мы уж об этом заговорили, заместитель генерального директора страховой компании "Хакасия" Г.П. Кайманов женщине, которая любит красиво одеваться, подарил дорогую меховую горжетку...

Заместитель главы администрации Таштыпского района тоже выступил — скорее не по обязанности, а по сердцу:

— Валентина Гавриловна — моя родственница по отцу. Я с детства, так получилось, тоже воспитывался на ее произведениях. — И Николай Гаврилович Ахпашев объяснил свое чувство тем, что гордится: Валентина Гавриловна — первая женщина в Хакасии, которая получила звание заслуженной деятельницы искусств республики!

"Да, легкий, везучий человек — Валентина Гавриловна, — думал в эти минуты и я. — Но сколько за всем этим труда!" Тут, я бы сказал, не выдержал и попросил слова директор Хакасского книжного издательства Петр Иванович Чебодаев. Вы знаете, чем он удивил? К слову пришлось, но, оказывается, Валентина Гавриловна Шулбаева — первая среди женщин Хакасии драматург, первая среди женщин Хакасии член Союза писателей России. Было чему аплодировать! "Она везде — первая!" — под аплодисменты закончил свою короткую речь Петр Иванович. Зал был радостно взволнован. А юбиляр — она тихо, счастливо улыбалась.

— Мы — дети природы, — начала свое выступление главный режиссер Хакасского национального театра Эльза Михайловна Кокова.

— Вместе с солнцем, которое засветило, когда мы приехали на таштыпскую землю, порадовались торжественному дню сердца всех нас. Конечно, Валентине Гавриловне престижней было бы проводить свой юбилей в Абакане, в театре. Но она предпочла родную землю, которая всегда дает силу своим детям. Недаром ее произведения пронизаны такой болью и радостью за край родной, заветный!

Первая пьеса, которую написала В.Г. Шулбаева, — "Недопетая песня" — о пожилой женщине, которая все ждет с войны мужа... Потом были: "Не только любовь", "Живи, друг, и помни", "У глубокого брода", другие. Эльза Михайловна заметила, что все они — о наших современниках, нашем времени. "Я хочу, чтобы образы эти ожили сейчас на сцене", — сказала она. Горькие и веселые минуты жизни героев пьес В.Г. Шулбаевой прошли перед зрителями. В сценах были заняты артисты театра Татьяна Майнагашева, Алиса Кызласова, Игнатий Кайдачаков, Мария Кыстоякова, Кирилл Султреков и другие.

Проникновенные романсы, песни из пьес Валентины Гавриловны Шулбаевой исполнила как в Таштыпе, так и в Бутрахтах, а потом и в Нижних Сирах перед сельчанами, школьниками артистка республиканской филармонии Зинаида Аршанова. Один романс назывался "Голубые горы" — на музыку Г.И. Челборакова, тоже уроженца этих живописных мест. Посвящен романс был Валентиной Гавриловной своей подруге жизни Эльзе Михайловне. Они и в этой поездке были неразлучны, всегда вместе.

Спасибо Эльзе Михайловне, она мне переводила, когда выступал на хакасском языке перед собравшимися представитель Хакасского госуниверситета кандидат филологических наук заведующий двух кафедр в этом учебном заведении В.Г. Карпов. Его даже трудно назвать "представитель". Живой, искрометный человек, эрудит, он увлекал и радовал зал! С Валентиной Гавриловной прошли его детство, юность, первые шаги в работе. Было что послушать!

— Ребята! Из маленьких людей, я хочу, чтобы вы стали большими людьми и в прямом, и в переносном смысле, — сказала, обращаясь к школьникам, Евдокия Михайловна Кильчичакова, аккуратная, симпатичная женщина. Она выступала от имени Союза журналистов Хакасии, поздравляла юбиляра с прекрасным днем в ее жизни. А местная поэтесса из Абазы Татьяна Трофимец, встав прямо перед именинницей, прочитала ей посвященное стихотворение, которое закончила поклоном...

Тиха осенняя таштыпская земля, но величава и прекрасна! У Бутрахтов кавалькаду машин встретили юные наездники в красных и

синих шелковых рубашках. Лошади так и гарцевали под ними. Девушки в национальных костюмах преподнесли каждому гостю из столицы Хакасии айран. Смотрю, Валентина Гавриловна — видно как в детстве, мечтательно — через поля с зеленой озимью побрела в окружении друзей и подруг, а также телерепортеров (которые и здесь не дают уединиться в такую минуту!) в сторону опадающей бледной желтизной березовой рощи. Порхнула птичка с ветвей — и вот он, новый желтый парус, ниспадает к ногам...

Ро-ди-на!

Вечером Бутрахтинская школа была полна: своя писательница приехала, да в такой для нее день! Главное, как и всякий патриот, сподвижник прекрасного, Валентина Гавриловна на базе местной школы решила организовать краеведческий музей. Память, она воспитывает порой лучше, чем уроки жизни. И... и из зала выходящие на сцену буквально обрушили и на виновницу торжества, и на директора школы Валентину Павловну Султрекову ливень подарков — будущих экспонатов музея. Нет, я не верю, что в наше время культура умирает — по крайней мере, в глубинке. Ее спасает меценатство!

Министр культуры Хакасии (точно, правда, не утверждаю, что он) сообщил, что первый заместитель Председателя Совета Министров Республики Хакасия В.М. Торосов пообещал солидную финансовую помощь детям местной школы. Встает заведующий Таштыпским районо и во всеуслышание объявляет, что для организующегося школьного музея будет выделена ставка заведующего. Аплодисменты. Сообщается о том, что от детского фонда Хакасии, возглавляемого Е.Ф. Филатовой, двадцати детям Бутрахтинской школы будет оказана материальная помощь. Потом идут подарки музею от Хакаского фонда культуры, научно-методического центра Хакасии, несколько, в том числе больших по объему, полотен художников Хакасии, возглавляемых В.П. Бутанаевым, книги от республиканского издательства, лично В.Г. Карпова, подарки от национального театра, администрации Таштыпского района...

На сцене появляются под возгласы детей "ура" расписной чатхан, расписное полотенце, многое другое. Заместитель министра образования республики Надежда Порфирьевна Балахчина преподносит в дар школе методическую литературу, учебники, новые программы, в выпуске которых принимала участие и Валентина Гавриловна Шульбаева. Так на моих глазах "закладывались основы" школьного Бутрахтинского музея. На сцене — директор Хакаского республиканского музея краеведения Л.П. Малтыгашева со своим

презентом. Потом, пока был перерыв, она, удивительная женщина, не откладывая в долгий ящик, помогла бутрахтинцам уже разместить часть экспонатов в отведенной для этого комнате, причем профессионально, со знанием дела. Выступающие передавали, что музей ждут сувениры от Владимира Ильича Чаркова, известного в Хакасии тренера, Клары Ефимовны Сунчугашевой, маститой певицы, и т.д.

А "виновница" всего этого скромно, в окружении друзей, находилась на сцене и по-доброму улыбалась увиденному и услышанному. Может, она и сама не ожидала, что на нее, ее родную школу обрушится буквально шквал подарков? И невольно в эту минуту посмотрел я на Юрия Николаевича Забелина, директора бюро пропаганды литературы, который, дождавшись своей очереди, от имени писательской организации Хакасии высоко поднял над головой готовую вывеску: "Музей". Во многом благодаря ему и руководителю республиканского отделения писателей России Н.М. Ахпашевой, которая наравне с ним вела программы творческих вечеров, эта встреча земляков с Валентиной Гавриловной удалась, как пишут торопливые газетчики, на славу.

...Медленно несет свои бирюзовые в солнечную осень воды в этом гористом месте река Таштып. На ее берегах уже растут дети детей сверстников писательницы. Пусть, как течение, ни на минуту не прекращается река их жизни!

Где-то с год назад спросил я у Валентины Гавриловны: о чем она сожалеет в этой жизни? Она ответила, что ей надо было бы родиться в прошлом веке. Но вот опоздала! А тогда так много было настоящих мужчин-джентльменов. Думаю, после этого удивительного вечера на родной земле, когда она услышала в свой адрес столько дорогих слов, это сожаление ее растаяло, как какое-то маленькое недоразумение в большой счастливой жизни.

Она первая женщина не только Чилан — Хакасии!

"НАШ ПОЭТ...НАШ УЧИТЕЛЬ", или НАСЛАЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВОМ

Что такое поэзия? А красота? И то, и другое надо просто почувствовать. Вчера читал только что купленный сборник Шарля Бодлера "Цветы зла". Весь, наверное, читающий мир его знает. А мне из двух десятков стихотворений, сонетов понравились разве что два-три. А в этих двух-трех — всего одна поэтическая строчка: "...И елей молодых зеленый сон ресниц". Вот она, в чистом виде, поэзия, красота. Ни первое, ни второе не надо анализировать: это просто талантливо, и все.

А что такое поэт? Лев Толстой говорил: можешь не писать — не пиши. Поэт пишет, когда не может не писать. Но поэтом пишущий становится, когда создаст, например, такие строки: "Там, где капустные грядки алой водой поливает восход...". Он может написать десять стихотворений, и только одно будет удачным. И пусть! Маяковское: "Изводишь единого слова ради сотни тонн словесной руды". Так, кажется? Или ахматовское: "Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда" и т.д. Это о них, сладких муках творчества.

Об этой поэзии самой, талантливой красоте мы спорили-говорили с Алексеем Козловским поздним вечером на Алтае, во время прошлогоднего семинара молодых литераторов. Я был сторонником того, чтобы каждая поэтическая строчка удивляла читателя, он отстаивал мнение, что не обязательно каждая — одна, особенно последняя, тоже может "сделать" стихотворение, поднять его. И вообще решили: спорить о творчестве — бесполезно, у каждого своя художественная манера.

Поэт — он везде поэт. Алексей там, на Алтае, читал стихи в автобусе, в рыночной толчее, а то останавливал меня и начинал читать, например, у аптеки... Забавно было слушать, смотреть на него! Подобному, конечно, забавно. Ну, поэт, не от мира сего! А почему, собственно, не от мира? Просто многое, что видели глаза его, он превращал в поэзию.

С гор окрестных медленно стекают
Эти дни высокие мои,
Словно реки горного Алтая...

Это он там прямо писал. Да, горы там высокие. Но почему "дни высокие мои"? Наверное, когда возрастной зенит жизни пройден, так себя ощущает человек. Наверное, так.

А читал он, как одаривал, стихи из четвертой, только им еще видимой книжки "Мои дожди". Главенствующее настроение Алексея сейчас, мне кажется, солнечно-осеннее, мягко-доброе к людям, как у природы к сентябрьской увядающей земле. В поезде, отошедшем от Бийска, он недаром написал:

Я ж от своей тоски не скроюсь,
Не ускользну, как по лучу.
И ночь заглаживает поезд,
В котором все куда-то мчу...

Но Алексей Козловский — поэт нестигаемый в своих поэтических принципах. Когда убили Владислава Листьева, вскоре я прочитал в "Труде" стихи Евгения Евтушенко об этом. Стихи были присланы из Америки, где он читал курс лекций по истории русской литературы. Но куда сильнее известного поэта откликнулся на смерть журналиста он, Алексей. "Покраснел экран от плутократии, брызнул кровью в каждую квартиру..." У меня было такое ощущение, что Листьева убили в моем подъезде. У каждого, назерное, было такое ощущение. Алексей его выразил. "Сперва не поверил в это убийство, — рассказывал он. — Потом ночью дошло до мурашек по коже. Несколько раз садился писать при лампе. Не шло! Уснул. Утром вдруг стихотворение нашло меня. За тридцать минут я написал его и стоял уже на дороге, "голосовал", чтобы отвезти в "Хакасию". Чувствовал: надо прямо сейчас. Успел! А к 12.00 был опять в своем селе. Правда, на урок к детям чуть опоздал". Поверьте, поэты за деньги не работают. По крайней мере, так не работают.

...Новокурская средняя школа... На всех этажах — чистота, аккуратность, зелени — как в дендрарии. Как я мог не приехать сюда, раз именно здесь Алексею Козловскому суждено получить членский билет Союза писателей России? В школьных стенах. Он же — учитель, да еще в России — заслуженный! Сам же работает географом по соседству, в Новотроицкой средней школе.

— Почему тут, а не в своей хотя бы школе? — спросил я об этом не Алексея, а директора школы Г.М. Фролову.

— Он — наш поэт, наш учитель. Мы все его прекрасно знаем, — ответила Галина Михайловна. — Он доступен, прост в общении. От района был членом комиссии по фронтальной проверке нашей школы. Я пригласила презентовать его свою книгу "Сезон разлук" в нашей школе. И он согласился.

Галина Михайловна улыбнулась, как победительница.

— У вас всегда так зелено? — спросил я, указывая на школьный "дендрарий".

— Зелень — тоже педагог, которому не надо платить, — умно ответила директор школы. — Она воспитывает. Да, да. Пусть у детей каждый день будет встреча с прекрасным.

А несколько минут спустя, в актовом зале, представляя поэта, она, волнуясь, назвала его не Алексеем Дмитриевичем, а Дмитрием Алексеевичем. А Алексей в это время — подтянутый, в строгом галстуке — сидел в первом ряду и вроде бы непринужденно разговаривал с Натальей Марковной Ахпашевой, председателем Хакасского отделения Союза писателей России. Вроде бы непринужденно. На самом деле он тоже переживал: ведь на нем был весь предстоящий вечер поэзии. И такой ответственный! Прежде всего — перед самим собой.

— Мужчин в школах много, — сказала Галина Михайловна. — Но они не поэты. А он — поэт.

Алексей не сразу нашел себя. Учился в техникумах. Оставлял их: не лежало сердце. Приехал в Новотроицкое. С 1973 года стал работать географом.

Он обыкновенный. Главная черта — любит людей. Обаятельный мужчина. Недавно был семинар районный. Я посетила его урок. Он вел факультатив по мировой художественной литературе. Помню, как входила в кабинет, не помню, как оттуда выходила... Это был праздник души. Оттаиваешь от общения с такими людьми!

Заведующий Бейским районом Виктор Некрасов был краток:

— Он — наш поэт. Наш учитель. Он — лирик. И современник наш в своем творчестве. Легче с его стихами жить.

Свои стихи Алексей Козловский публиковал в минусинской газете, "Хакасии", "Учительской газете", журнале "Молодая гвардия", в 1977 году выпустил свой первый сборник "Дни осени", в 1981-м — "Светлые леса"... И преподавал, преподавал. Мне интересно было посмотреть на Алексея как на учителя, а не поэта. Не получилось. Трудно было увидеть, где кончается учитель и начинается поэт, где кончается поэт и начинается учитель.

— Имя себе Алексей Козловский заработал продолжительным трудом, — сказала, вручая поэту членский билет Союза писателей России, Наталья Ахпашева. — Его стихи помогают нам разобраться в нашей жизни. Он чаще в своих стихах обращается к природе, женщине, любви... Есть у Алексея и гражданские стихи, которые не могут не заставить задуматься: что с нами происходит, куда мы идем. Слава Богу, что у нас не пропала еще тяга к духовному началу.

Творчество Алексея Козловского хорошо знают в Красноярском крае. В свое время его оценили Роман Солнцев, Виктор Астафьев. "Поверь, Валера, — говорил Алексей, — если бы я захотел, я бы давно уже вступил в Союз писателей. А сейчас зачем мне?" Это говорилось им не к тому, что сейчас членский билет, даже писательский, мало что значит, а в прежние годы он бы мог иметь после этого — ну квартиру. Нет, не к тому. Просто я считаю, что писатели рождаются везде, не только в Литературном институте имени Горького. Вот и он выразился в том смысле, что членский билет не научит его "даровитей писать стихи". Словом, он и без него проживет. Я резко не соглашался, и не раз.

"Принятие в Союз писателей, Алексей, хочешь-не хочешь, подсознательно обяжет тебя быть ответственной за слово, идущее к людям, даст ощущение сознавать себя как поэта-гражданина". Приблизительно так.

И я рад был, когда маленькая книжечка оказалась у Алексея в руках. Ведь не в книжечке в конце концов дело. В новом осознании себя.

...Со сцены он выступал, будучи уже членом Союза писателей России. Ироничен. Но долгая практика учителя помогает ему все-таки уверенно, при всей скромности, держаться перед людьми.

— Мне нравится эта школа, — сказал он. — А меня принимайте таким, какой я есть. В нашей сегодняшней жизни до стихов ли? Но мне помогают встречи с добрыми людьми. Это отражается и на моих стихах. Было время, я бросал стихи, писал прозу. Снова вот вернулся к стихам. Наверное, уже не уйду от них. Так и живу: я, стихи и моя жена.

На переломах истории, как сейчас, пишется легко. Живется тяжело. В творчестве же всегда надо искать что-то новое. Но в природе после Пушкина и Тютчева трудно, согласитесь, найти что-то новое.

Спрашиваете, как я смотрю на жизнь? Как поэт — возвышенно и отстраненно. Это своего рода защита. Мелочи повседневной жизни, бывает, убивают, не дают дышать. Поэтому я, например, не верю в расхожее мнение: когда человека бьют, он закаленной становится. Это не для меня.

Ну, и тяжело, когда не пишется ...

А потом он спокойно, "непрофессионально" читал свои стихи. "Страдание", "Снег идет", "Мы с той войны", "Нестрогая ты моя женщина"... Ольга Анатольевна Шихалеева, музыкант школы, со своими подругами по работе впервые для поэта исполнила песни, сочиненные ею на его стихи. "Себя я еще в музыке не слышал!" — кинул Алексей подбадривающую реплику исполнительницам. И на наших глазах его стихи впервые превращались в лирические песни.

На вечере выступала и директор Новоенисейской школы Раиса Николаевна Зарубина. Трогательным момент был потому, что она была одноклассницей Алексея. И он тоже не ожидал встретить ее здесь, прямо на сцене. Он ее обнял, поцеловал, что-то теплое сказал. Однокласс-ни-ца!

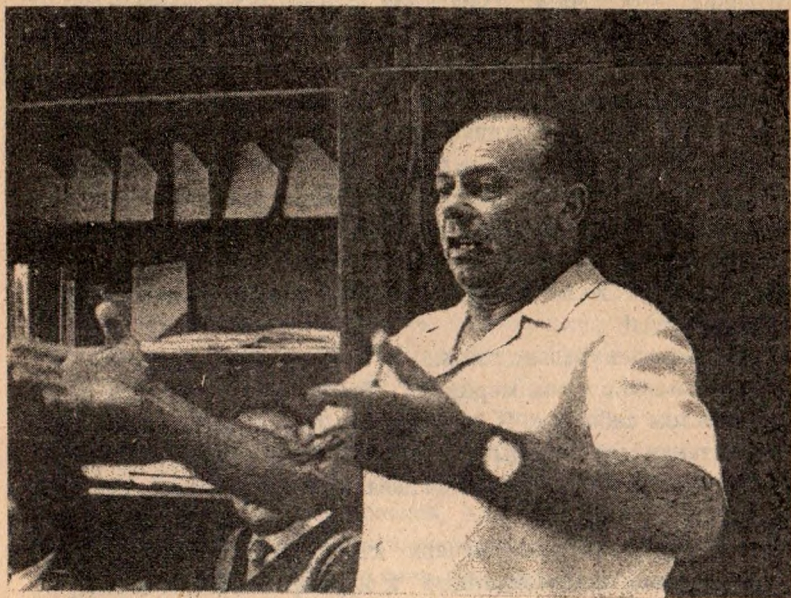
Знаете, как фигурально сказано об одиночестве у Козловского? "И некому со лба согнать морщины". Это, конечно, о душе, а не о косметическом кабинете. И не о тазе он думал, когда писал: "И лопаются танки, как стаканы в кипятке". И не об арифметике, когда создал строки: "Сколько было тогда инвалидов, укороченных жизнью на треть".

Что говорить: на таких вечерах кто-то читал стихи Алексея Козловского как приготовленные "к мероприятию". А может, я ошибаюсь, и у мальчишек-девчонок просто не получалось проникновенного чтения? Скорее всего, так. Но вот на сцене появилась Татьяна Красва, учительница Бейской вспомогательной школы. Статная. Молодая. Красивая. Черная коса. Черные глаза. И читала она не по бумажке. Наизусть. И такие стихи "из Козловского", что сразу можно было сказать: у нее — тонкий поэтический вкус. Поклонница. Настоящая поклонница Поэта.

Это было замечательно. Как в кино. Восклицательный знак в конце поэтического вечера был поставлен. И какой!

Кто же Алексей Козловский? Поэт? После вечера писатели и учителя продолжали его "делить". Их увлеченный спор, по-моему, разрешил сам Алексей, сказавший: "Я все-таки поэт, работающий учителем".

И улыбнулся своей иронично-мечтательной улыбкой.

Еще в школьные годы я считал, что если человек — поэт, то он нигде не работает, а только пишет стихи. И то я это за работу не принимал. Ну разве поэт — профессия?! Я и сейчас так считаю. Раньше я еще так думал: поэт — и вдруг он в то же время, допустим, конюх ли, столяр там, учитель. Теперь, понятное дело, я с этим смирился. Вот Сергей Пестунов — поэт, но и пчеловод, садовод. Такова жизнь. И отчество его я преднамеренно не написал — по той же самой причине, что поэты с ними, отчествами, как-то не звучат.

Интересно, показалось мне, сказал Сергей Андреевич (все-таки Андреевич!) о своем детстве: "От отца остались у меня скрипки, гармонь. Мы с ним играли на свадьбах. Он зла по себе на Земле не оставил. Он заменил мне отца, погибшего на фронте. (Заметили, он отца сразу назвал отцом).

— Больше всего на свете я люблю лошадей, — сказал Пестунов, когда мы подъезжали к его родине — Бей-Булуку. — Какой тут был конезавод! — сокрушался он, глядя теперь на поле бурьяна. — К нам сюда, в захолустье — не поверите! — приезжали англичане, американцы. Боградские лошади были даже мировыми чемпионами!

— И продекламировал, унесясь взглядом в далекие теперь уже годы: "В их гривах — запахи ночей".

— В 1955 году мы с ним поступали в Абаканский пединститут, — рассказывала на встрече с богградцами Альбина Леонтьевна Кошелева, теперь кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы АГПИ. — Конкурс был — одиннадцать человек на место! А Сережа между экзаменами умудрялся писать стихи. А потом, к моему удивлению, подарил мне бархатный альбом со стихами! Я его до сих пор сохраняю ...

В любви к Сергею Пестунову призналась и обаятельная женщина в роскошном концертном платье Клара Ефимовна Сунчугашева, заслуженный работник культуры России, заслуженная артистка Республики Тува. Сергей Андреевич резонно пошутил: "Клара, пора, наверное, и на родине тебя признать!" А в каждой шутке есть доля правды. Клара Ефимовна с вдохновением спела под аплодисменты зала поэту: "Не уходи", "Гори, гори, моя звезда", "Утро туманное". У нее оказались в руках яркие цветы.

Из окна зала, где проходила эта теплая встреча с Сергеем Пестуновым, был виден заснеженный краешек горы любви. Сколько юношеских воспоминаний навеет она счастливому сердцу! И когда поэту представитель администрации Богграда преподнесла картину "Гора любви", он растерялся от неожиданности: "Ну, никак не ожидал, не ожидал! Порадовали старика". Замечу, что на старика Сергей Андреевич еще "не тянет" — столько в нем энтузиазма, горения.

Его часто спрашивают: "Почему ты пишешь часто о матери, женщинах?" На это он неизменно отвечает: "Они — божество на Земле".

Свои стихи он называет молитвами. Увы, до сих пор поэт не имеет своего сборника! А ведь этот человек пришел в Хакасскую писательскую организацию еще в 1976 году. Его повесть "Белая птица лебедь" в свое время получила первую премию ЦК ВЛКСМ. В 1979 году вышел сборник повестей и рассказов: "Сватова деревня", в 1982-м — "Чудный месяц". Тогда известный писатель Альберт Лиханов сказал: "По каждому его рассказу можно поставить фильм". Талантливых стихов у него много, неужели на книгу не наберется? Правда, Хакасское книжное издательство пообещало в 1995 году выпустить первый поэтический сборник Сергея Пестунова. Пусть уж поздно, чем никогда...

Есть такой признак таланта — ощущение трагизма жизни. Меня поэтому остановили его слова: "Люблю тайком уйти под звезды и одному оплакать старину".

— Вся моя деревня — там, на погосте, — тихо говорит, вспоминая свои поездки на родину, Сергей Пестунов. — И я, когда приезжаю, начинаю обход деревни с погоста. Мы все будем там... Святое место! Тут не лгут, сюда идут на покаяние. — И прочитал по памяти: "Погост, не зная берегов, уж проглотил мою деревню". Еще я запомнил о Бей-Булуке: "У нас же — нищета и глушь, деревня стала, как могила"...

А мы все куда-то бежим, спешим. А "процесс идет", жизнь дорожает. Деревни действительно превращаются, пусть это переносно и образно, в могилы. И чем же сейчас озабочены люди? Сергей Андреевич пересказал по этому поводу одну "зарисовку" с натуры:

— Иду по деревне. Навстречу летит одна знакомая, уже в годах, женщина. "Ты куда бежишь-то?" — спрашиваю. "В магазин", — отвечает. "Зачем?" — "За приданным... на тот свет. Ведь все дорожает, потом не купишь. А я хочу лежать в могиле красивой". И дальше побежала. А я остановился и чуть не заплакал от происходящего... Женщина была права.

В совхозе "Боградский" встреча с земляками проходила в холодном, уютном клубе. Сергей Андреевич, наверное, вспомнил эту женщину, когда обратился к своим односельчанам:

— Земляки! Вы — патриоты. Вы, как панфиловцы, держитесь за свой клочок родной земли.

И в этих словах была правда — и о народе, и о судьбе деревни.

Счастливый человек Сергей Андреевич хотя бы потому, что его мать, Надежда Михайловна, много добрых слов услышала о сыне в тот памятный день. Эти счастливые минуты, верю я, продлят жизнь этой старенькой уже женщине. А счастлива мать — счастлив и сын. Это и о ней он сказал: "Как сугробы, побелели наши мамы за войну". Трогательно она говорила о сыне, когда смогла без помощи чужих рук все-таки выйти перед людьми в зале: "Я горжусь им. Не пьет и все понимает. Я из безграмотной деревни, сама расписаться не могу. А он вырос до писателя... Спасибо вам, добрые люди!"

В эту минуту, тронувшую сердце, я подумал: "За одно это материнское "спасибо!" стоило приехать сюда, чтобы организовать встречу земляков с писателем. Пусть и о нас при матери будут сказаны добрые слова. Не будем завидовать другому..."

"ИЗ НЕЖНЫХ СЛОВ Я СОТКАН..."

Белый Яр. Центр развития личности "Радуга". Здесь нас гостеприимно встретила исполняющая обязанности директора Галина Федоровна Чаптыкова. Сцена — в зелени и цветах, на дальнем плане — выставка детских рисунков, посвященная 60-летию известного в Хакасии поэта Моисея Романовича Баинова. На них — живописные сценки из произведений поэта: девушка в национальной одежде, еловая тайга, кони в ночном... Перед глазами почитателей таланта Моисея Романовича — слова из его стихотворения: "Я шел сквозь волны мглы и света". Слова поэтические, философские.

— Где, где истоки человека? — вслух, непринужденно рассуждает со сцены перед людьми, любящими поэзию, Моисей Романович. — Если сказать о себе, я родился в маленькой Хызыл Салде. Из детских воспоминаний памятно наводнение 1941 года. Люди плавали на лодках друг к другу. После образовалась новая Хызыл Салда... А на старом месте вырос бурьян. Я не раз был на старом кладбище, но так и не нашел могил матери, деда, братишки.

Следующее по очередности, но не по значению, воспоминание — отец. Вернувшись после Халхин-Гола, он высоко поднял меня над головой: я так высоко больше не поднимался. О, тогда я, младенец, был прямо заряжен человеческой добротой, солнечным светом. Меня в колыбели ласкали нарядные люди, пришедшие на праздник по случаю окончания той войны.

Потом была другая, Отечественная война. Мать умерла в 1945 году от туберкулеза. Она и сейчас, эта болезнь, тяжелая. А тогда... Не только врача — фельдшера, даже акушерки не было в маленькой Хызыл Салде. Мать, умирая, сказала: "Мы море воды испили, горы травы скосили — нам пора... Я понимаю: я больше не встану с этой постели. Но мне жалко оставлять на этом свете песни и сына. Песни сгинют в моей груди в сырой земле, а сына сберегите, люди добрые. Он остается один".

Я тоже запомнил эти ее слова. После смерти матери я стал замкнутым, но даже когда мне было нестерпимо больно, я не плакал.

И здесь, наверное, берет исток мое творчество. "Где найти песни матери?" — задался я недетским вопросом. И, когда пас телят, начал петь тахпахи — в степи-то пой сколько хочешь!

Это было начало моего творческого пути.

Потом, помню, привезли в наш маленький клуб кино-оперу "Князь Игорь". Я посмотрел-послушал — и был поражен. И снова пел и пел, взволнованный искусством, тахпахи в степи.

К слову, все мои братья пели, играли на чатхане. И по отцу, и по матери были у меня родственники-хайджи. Из Усть-Бюри они привозили по весне черемшу, осенью — бруснику, зимой — шкуры диких коз. От бороды деда пахло елью. Как он пел! Я ему даже заглядывал в рот: откуда выходят такие волшебные слова?

Странное дело, но в те годы я резко отличал древние сказания от стихов: не мог взять в толк, что все это — Поэзия. Стихи — это душа человека, сказания — отголоски судьбы народа. И дальше, взрослея, я всегда старался запоминать, как говорит народ. И, слава Богу, мне посчастливилось встречаться в жизни только с добрыми людьми.

... Речь поэта слушать — времени не замечать. Еще многое рассказал о себе, о своей творческой судьбе Моисей Романович Баинов. Юбилюру дарили цветы, сувениры, прекрасно сделанные руками белоярских ребят, пели замечательные романсы Владимир Чаптыков, Зинаида Аршанова.

А теперь я бы хотел привести высказывания известных в Хакасии людей о Моисее Романовиче, его творчестве.

Наталья АХПАШЕВА, председатель правления Союза писателей Хакасии:

— Моисей Романович — творец духовного хлеба. Этот год в республике проходит под знаком его высокой поэзии. В юбилей Моисея Романовича наша писательская организация получила на имя поэта поздравительную телеграмму от Виктора Астафьева, Романа Солнцева, Александра Волокитина. Это говорит о профессиональном почитании коллег по перу творчества Моисея Баинова.

Геннадий МАЙЕРКОВ, заместитель главы администрации Алтайского района:

— На чьих именах стоит Хакасия? На именах ученого Катанова, скульптора Карачаковой, контр-адмирала Майнагашева, археолога-историка Кызласова... В этот ряд известных имен я ставлю и имя Баинова. Поэт в России — больше, чем поэт. В Хакасии — тоже.

Венедикт КАРПОВ, доктор филологических наук, профессор кафедры хакасской филологии Института саяно-алтайской тюркологии, заслуженный деятель науки РХ:

— Моисей Романович в своем творчестве как бы поднялся над своим родным народом и его глазами смотрит на мир. Как поэт он понимает жизнь философски. Даже я, лингвист хакасского языка, зачастую встречаю в произведениях поэта неизвестные мне слова! Древние, забытые, он возвращает их в живую словесную жизнь. Такого богатства словаря, поэтической лексики трудно еще у кого найти в Хакасии. Вот почему творчество Моисея Романовича изучается в школах республики. Юное поколение должно знать свой родной язык во всех его звуках и красках.

Гавриил КОТОЖЕКОВ, доктор философских наук директор ХакНИИЯЛИ:

— Мы росли вместе с Моисеем, слушали одни и те же сказки в детстве. Но моя память, в отличие от его, не запоминала поэзию, этих сказок. А он — он просто был рожден поэтом. А жизнь наделила его мудростью.

Александр КОТОЖЕКОВ, член Союза писателей России, член Союза художников России:

— Когда я читаю Баинова, я словно чувствую дыхание народного духа.

Да, между нами живет Поэт. Я его часто встречаю на улице, вижу из окна редакции. Давно лично знаком. Не гордый, не заносчивый. Получил вот недавно звание "Заслуженный деятель культуры России", в Хакасском республиканском издательстве состоялась презентация его новой книги "Хан-Тёнис". А сколько заслуг и достижений в прошлом! Но человек остался прежним, выше голову держать не стал. А мог бы. Но ему, наверное, это не надо. Свою лирическую силу он, слава Богу, демонстрирует в своих творениях, оставаясь в обыденной жизни... Помните, как о поэте Пушкин сказал? "И среди людей ничтожных мира..." Да, в обыденной жизни он — самый обыденный человек. Но я слышал, и не раз, как он строго, тонко оценивает талант других. И тут поэт бескомпромиссен. А сам он... сам он переводит Пушкина, Шекспира на хакасский язык, многих других великих поэтов. О, о нем ходят легенды! Есть в них и правда, есть и вымысел. Но, скажите, какой поэт без легенд?

Впервые увидел и услышал я его на Днях советской литературы в Хакасии в 1978 году, когда к нам приезжали Валентин Катаев, Яков Шведов, многие другие знаменитости. И после Якова Шведова, автора "Орленка", "Смутлянки", вышел на сцену Дома культуры села Московское он, Моисей Романович, и самозабвенно, как влюбленный в музыку слов поэт, читал залу о дрожащих над зеркалом затона летних звездах...

Мне всегда симпатичны поэты, потому что в душе они — дети. И по большому счету независтливы. Ветеран писательской организации *Геннадий Филимонович Сысолятин* так сказал о нем:

— Я уходил на войну вместе с отцом Моисея Романовича. Он же был еще ребенком. Как росток красной калины. Но с годами в нем проснулся поэт, который все больше овладевал словом. Как сибирская калина, росло его творчество. Сейчас он — первый поэт Хакасии, равных ему нет.

Галина Григорьевна Казачинова искренний, симпатичной души человек, высказала свое мнение:

— Моисей Романович — сильный не только поэт, но и теоретик, знаток стихосложения. Он, именно он сблизил пушкинские ямбы с хакасским песенным строем. Сколько он национальных мелодий знает! Помню, какие отточенные его стихи редактировала из цикла "Свидание на утренней звезде". Я, редактируя, плакала... Это может сделать с читателем только поэт. А с заплаканным сердцем, сами понимаете, редактировать невозможно. Читатель во мне победил. Это — высшая оценка редактора поэту. А взять его прозу... Это же поэзия в прозе.

У Моисея Романовича словарь, как у Пушкина. Баинов — настоящий хакасский классик.

Валентина Гавриловна Шулбаева, драматург, подчеркнула, что Моисей Романович Баинов — чисто национальный поэт. А каждый национальный поэт глубоко интернационален, потому что ему есть чем поделиться с людьми других национальностей. И где бы Моисей Романович ни выступал — на вечере поэзии или перед курсантами СПТУ — он выходит на сцену как боец, поднимающийся первым в атаку. Он уверен: людские сердца завоюет, расшевелит даже самые черствые души.

Согласитесь: услышать при жизни доброе о себе — редкость. Мы так черствы и завистливы! Наверное, прав был Михаил Светлов, который накануне смерти сказал своему сыну примерно следующее: "Завтра я умру, и ты услышишь, как над моим гробом будет обо мне сказано много хорошего. Так знай: в жизни я этого ничего так и не услышал".

Спасибо тебе, Моисей Романович! Ты и читаешь стихи, и поёшь тахпахи, и всем друзьям всегда даришь свои новые книги с дарственной надписью.

II. ЕЁ ДОМ — ТЕАТР

Я ВИДЕЛ МАРЕЦКУЮ

Само собой разумеется, дело вовсе не во мне, а в Марецкой. Мне просто посчастливилось ее видеть. Ну, завидую я, например, тем, кто видел Льва Толстого или, допустим, Чаплина. Дело тут не в личностях тех, кто видел, а в том, что им посчастливилось видеть знаменитых людей. Многие, например, артисты (особенно местные) завидуют тем, кто снимался в кино вместе со знаменитостями. А те, кто снимался с ними, — для них это была каждодневная работа, и только спустя годы они, возможно, будут дорожить этой страницей своей жизни.

У меня тоже есть такая дорогая страничка моего детства. Я всегда хранил ее в книге своей жизни (раз начал уж сравнивать). Нужна была, наверное, только вспышка, чтобы ожило, забеспокоило то воспоминание! Воспоминание, в которое сам верю с трудом — до того мне сейчас кажется то событие невероятным. Но оно было. По необыкновенной значимости событие то для меня сравнимо только с тем, как если бы в Абакан, к примеру, приехал человек, побывавший на Луне. Невероятно? Приезд — да, но человек на Луне, действительно, побывал, и даже не один. (Оба они сейчас живут в Америке замкнутой жизнью).

Так и в моем случае Марецкая уже умерла и, наверное, давно: я пока не смог отыскать даты ее смерти. Но это было позже, потом. А сначала... Сначала я пришел в Хакасскую республиканскую библиотеку и начал рыться в книгах. На глаза попался иллюстрированный сборник "Актеры советского кино" (Москва, 1964 г., издательство "Искусство"). Листаю... Кадры из фильмов с участием Николая Крюкова, Нонны Мордюковой, Юрия Никулина... Какие все молодые! И вдруг (для меня

— вдруг...) — Марецкая, Вера Петровна. Это была долгожданная вспышка, которая высветила то, уже далекое теперь, но дорогое мне воспоминание.

Представить даже невозможно, где я видел Веру Петровну Марецкую! Знаете где? В элементарном железнодорожном клубе на станции Сон Богградского района. Ее, союзную знаменитость (если не мировую!), я до сих пор не могу соединить в своем взрослом сознании с деревней, где я родился. Но это, повторяю, было. Вот только год затрудняюсь сказать конкретный. Примерно 1962—1963 гг. И точно — летом. Почему так считаю?

В ту пору мне было лет семь-восемь. По крайней мере, я уже шел с коромыслом и ведрами за водой к колодцу. Значит, мог нести хоть не полных, но два ведра — поливать грядки в огороде. День был жаркий, солнечный. Каждый знает: деревенская жизнь скучна на события, и потому я сразу заметил бумажную афишу, вывешенную на заборе у колодца. Прекрасно и сейчас вижу тот портрет актрисы и внизу крупными красными буквами слова: Вера Марецкая. И дальше: снималась в фильмах таких-то... (черным шрифтом). Чуть ниже слова, написанные уже кисточкой: концерт в клубе ЖД тогда-то (по-моему, в 17.00).

Мне тогда, вспоминая, неважно было, Марецкая артистка или еще кто, важно было, что она артистка и прямо из Москвы! Вот это да, вот это есть что сказать друзьям! И я сидел в клубе (полном) и видел Ее и был поражен Ею...

Что запомнилось с того концерта в деревне? Совсем немного: вначале выступали один или два певца, потом кто-то типа Трушкина или Задорнова (но не они), фокусники. А потом... Потом объявили Ее, и свет в зале погас. На клубном экране пошли кадры из фильмов, где Вера Петровна Марецкая играла главные роли. Но мне из всего, что я тогда увидел, особенно запомнилась сцена казни партизанки из кинофильма "Она защищает Родину". Мы, деревенские мальчишки, очень любили ходить на военные фильмы, и этот фильм целиком просмотрели незадолго до концерта. Так получилось. Включился свет в зале, в рядах зрителей — тихий переполох! И вот на сцену, без всякого объявления-представления, вышла ... Марецкая! Такая далекая (столичная) и такая близкая, простая, улыбчивая. Она, наверное, знала, какое впечатление произведет на деревню. Сколько ей тогда было? Не буду заглядывать в календарь, а по-моему детскому восприятию — блестящих пятьдесят лет, не больше. А когда она с располагающей улыбкой извинительно, разведя руками (мол, все-таки это я), заговорила, стало казаться — она еще моложе!

Я прекрасно помню ее переливающееся черное бархатное (с блестками?) платье, веселый, бойкий и великолепный голос, артистически прижатые к груди руки. И улыбку. Она не сходила с ее лица весь концерт! Казалось, так она любит каждого из нас, сидящих в зале. И это, верно, было так, наверное, на самом деле. Насколько помню, она рассказывала в основном анекдотичные случаи из своей актерской жизни (не скажу, что долгой).

А запомнился мне лишь один ее рассказ: эпизод съемки именно казни партизанки. Попробую примерно воспроизвести — нет, не слова, но ход ее рассказа:

— Фильм "Она защищает Родину" поставил режиссер Эрмлер по сценарию Каплера. Приближался ответственный эпизод: надо было снять, как мою героиню фашисты вешают на виселице. Мы, вся съемочная группа, массовка, выехали за город. Солнце уже садилось, надо было торопиться. Была уже сооружена виселица, мне на грудь повесили табличку, что я партизанка, и Эрмлер скомандовал: "Внимание, съемка!" А я, знаете, боялась лезть в петлю! Но мне было сказано, что все обойдется, веревка горло мне не передавит, а будет под подбородком. Ну, а вообще придется маленько потерпеть.

Артисты есть артисты. Полезла я в петлю...Камеры застрекотали. У меня из-под ног выбивают табуретку, и я оказываюсь качающейся в воздухе. Только успела крикнуть: "А-а-а..." Но петля попала не под подбородок, как предполагалось, а захлестнула мне шею! (В этом месте рассказа Вера Петровна так взвизгнула, что весь наш зал замер от испуга). Что мне делать? Камеры-то работают, съемка идет! Думаю лихорадочно: сейчас снимут сцену, сейчас... Потерплю! А Эрмлер, краем глаза вижу, показывает, что, мол, хорошо я болтаюсь в петле. Замечательно! А я уже задыхаюсь, теряю сознание. А он показывает: мол, еще маленько, еще, сейчас доснимем!... Потом у меня опали руки, и я не помню уже, как меня сняли с петли, привели в сознание. (И тут Вера Петровна, блестящая, симпатичная, понятиливо улыбнулась залу. Все бурно ей зааплодировали. Эти аплодисменты до сих пор не смолкают в моих ушах.)

Вот и все, как я лично ее запомнил. И потому в республиканской библиотеке я жадно прочитал в найденном сборнике "Актеры советского кино" ее статью "Почему я не снимаюсь в кино". Написана она, видать, была не ею самой, а с ее слов. Статья достаточно обзорна, академична и скучна. В жизни Марецкая была совсем другой: такой живой, улыбчивой! И в фильмах — яркой, запоминающейся.

Ну кто не помнит ее акушерку Змеюкину в фильме "Свадьба" по рассказу Чехова? Небольшая ролька провинциальной львицы засверкала в ее исполнении подлинным комедийным блеском. А кто не знает фильм режиссеров Зархи и Хейфица "Член правительства" (1939 г.)? После сыгранной в нем роли Александры Соколовой о Вере Петровне сразу заговорили как об актрисе, умеющей создать шедевральный образ, причем на уровне мирового киноискусства.

Потом был фильм "Она защищает Родину". Я, например, и сейчас помню жуткую сцену из этого фильма: "она" с ребеночком убегает от немецкого "тигра", который все подминает под гусеницами на своем пути. Этот фильм обошел экраны всего мира. Люди видели, как пылают подожженные убийцами в мундирах русские города и села, как на глазах седеют русские матери, как гордо идут на виселицу русские партизанки... Созданный Верой Марецкой образ народной мстительницы нес в себе "огонь испепеляющей ненависти к врагу", как сказано в очерке.

Любопытной мне показалась такая деталь. В 1945 году Вера Петровна была в Париже, где участвовала в работе Международного антивоенного конгресса женщин. Делегатки из многих стран, из отрядов Сопротивления выражали ей восхищение, но представьте, не как актрисе, а как ... партизанке. Они считали, что она истинная партизанка! Такова оказалась сила настоящего искусства талантливой артистки, сыгравшей в названном уже фильме товарища П.

А фильм "Сельская учительница"? Кто, увидев ее (недавно этот фильм повторялся по ЦТ), не полюбил образ девушки Вари, не побоявшейся уехать из блестящего Санкт-Петербурга в глухую сибирскую деревню Шатры?

Может (сейчас подумалось), именно поэтому, следуя своей героине, Марецкая спустя полтора десятка лет не побоялась приехать и в сибирский Сон?

Потом Вера Петровна снималась в фильмах "Мать", "Дело Артамоновых" по Горькому, "Котовский"... Свою статью, которую я прочитал в актерском сборнике в республиканской библиотеке, Марецкая заканчивала так: "Я не могу пожаловаться на забвение режиссеров и сценаристов. Но, к сожалению, все, что теперь мне предлагают сыграть, — это чаще всего повторение моих прежних ролей, а главное ... все это вчерашний день".

Прежде чем написать заключительную строчку, скажу: это слова честного талантливого человека с неповторимой индивидуальностью.

Может, тогда, в это свое творческое безвременье, она и приехала в Сон, гастролируя по Сибири? По крайней мере по времени все сходится.

Эльза Михайловна Кокова, главный режиссер Хакасского республиканского национального театра, — человек, с которым легко общаться. Легко, но не облегченно. Она эрудированна, опытна в делах житейских и театральных. А главное для меня, допустим, — эти ее творческое горение. Затертые это слова, но они точно определяют накал ее жизни. Это человек, вокруг которого сформировался театральный коллектив, подобрались единомышленники, ведя вперед которых, она (не без трудностей) пытается возродить национальную театральную культуру.

Но оппонентам "общаться" с ней нелегко. Нечасто встречаешь в жизни людей, которые достойно могут отстаивать свои взгляды, показывая в спорах цельность своей натуры, своевременно находить веские аргументы, а то вдруг разрядить обстановку обезоруживающей улыбкой. Людям с таким характером, как у нее, я обычно завидую. Впрочем, я завидую и себе, что среди друзей имею такого человека.

Эльзе Михайловне исполнилось 55, и 25 лет — сценической деятельности. И еще одна дата у этого человека: 80 лет со дня рождения ее отца — Михаила Семеновича Кокова, основоположника хакасской драматургии, написавшего пьесу "Акун", вошедшую в классический фонд национальной литературы. На всей деятельности Эльзы Михайловны — отсвет отцовского таланта, его творческой одержимости.

Так получилось: рождение дочери Михаил Семенович Коков отмечал с Михаилом Еремеевичем Кильчичаковым, которому исполнилось бы нынче 75 лет. Они как бы дали новорожденной посох жизни... Были у нее братишки — Лев и Клим. Оба умерли... И отец пожил недолго: двадцати шести лет ушел из жизни. Но успел написать "Акун". Дом по проспекту Ленина, где создавалась им эта пьеса, и сейчас на месте.

— Я решила собрать творческое наследие отца, — вспоминает Эльза Михайловна. — Пошла в ХаКНИИЯЛИ, а там ничего не сохранилось. Я была в шоке. Ведь в свое время в институт было

передано 67 наименований творческого наследия отца! Слава Богу, была опубликована пьеса. В 40-е годы ее поставил в театре Иван Семенович Самохвалов. Так на сцену пришла добротная национальная драматургия. Пять раз подряд была сыграна пьеса актерами тогда.

В детстве просыпается в нас талант. В этом предопределении я уверен. Девочка зачитывалась книжками о театре. В каждом доме, где бы ни была, натягивала веревку с одеялом, разделяя мир на реальный и театральный. Читала стихи, разыгрывала сценки. Часто подростком появлялась она и в театре. Ее жалели как дочь рано ушедшего из жизни талантливого драматурга. Возможно, было ощущение: из девочки что-то получится?

Чувствуя в себе призвание, дорожа памятью отца (с годами — все больше), Эльза Михайловна поступила в Красноярскую театральную студию. Своих учителей до сих пор помнит как родных: Николая Вячеславовича Дубинского, Константина Алексеевича Возжикова, Илью Лазаревича Клеймица... Студия была при театре. Педагоги преподавали и сами же участвовали в спектаклях: "Третья патетическая", "Гамлет"... Это усиливало их обаяние в глазах учеников. Атмосфера была куда более чем творческой. Именно Дубинский первый и разглядел в Эльзе Михайловне характер, её режиссерское призвание.

На конкурсной основе она поступила на режиссерский факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. "У нас было семнадцать юношей и всего две девушки. Меня сразу назвали "Малой Советской Энциклопедией". На вступительных экзаменах я умудрилась прочитать экзаменационной комиссии чуть ли не всего Петрарку и "Гамлета". Она попала в класс профессора Леонида Сергеевича Вивьена — представителя старинного аристократического рода. Он был еще и главным режиссером Александринского театра. Сколько было вокруг знаменитостей! Елизавета Тиме, первая красавица Петербурга, известные педагоги Меркурьев, Микеладзе, Кох... Они тоже и преподавали, и играли на сцене. Мэтры Александринского театра! Новое поколение на смену им только еще зарождалось.

После института Э.М. Кокову перехватил Алма-Атинский театр, но дипломный спектакль она ставила здесь, в Хакасии. Она даже и сейчас задумывается: если бы не такое теплое участие актеров, состоялась ли бы ее театральная судьба? Такая искренность, когда за плечами уже шестьдесят постановок русской, зарубежной и хакасской драматургии, подкупает в человеке.

Вместе с доцентом Ленинградского института Сергеем Васильевичем Гиппиусом, доктором искусствоведения Владимиром Александровичем Сахновским они вскоре объездили всю Хакасию и из новичков набрали студию—74. Было "просмотрено" 200 человек! Теперь ее ученики — заслуженные артисты России и Республики Хакасия — находят свой неповторимый путь в искусстве.

Пятнадцать лет она собирала материал и писала книгу "Чон Чарии" об истории Хакасского и Русского театров.

"Мной двигало чувство благодарности к актерам, с которыми я начинала работать". Я так понимаю: это был ее нравственный долг. В 1991 году книга эта увидела свет. В этом же году, при разделе театра, Э.М. Кокова стала главным режиссером Хакасского национального театра.

Нет, прежние годы она не заносит "в черновики". Да, приходилось ставить второстепенную драматургию: "Ко мне, Мухтар!", "Яблоко раздора" и т.д. по воле главных режиссеров, которые, будучи "привозными", надолго не задерживались в Абакане. Отсутствие творческой свободы, недостаточность репетиций, частые разъезды туда-сюда любого могли измотать. "Но это давление только, как я сейчас понимаю, закалило меня", — ее признание. И она, несмотря на это, все-таки добивалась постановок серьезных, классических: "Хребты Саянские", "Эзоп", "Гамлет" (40 раз!), "Человек из Ламанчи" и т.д.

Спасибо все-таки тому времени! Эта работа столкнула ее с классическим наследием, свела с Мустаем Каримом, Нодаром Думбадзе. Она поехала к Нодару на родину: "Как воплотить "Закон вечности" на сцене?" Для Нодара Думбадзе душа, оказалось, еще реальнее, чем само тело. Но душа тяжелее тела во сто крат! Вспомните тут есенинское: "Неужели под душой можно согнуться, как под ношею?!" Поддерживать друг друга — вот Закон Вечности. По этому неписаному, закону она сама всегда стремилась жить, потому что с начала своей жизни увидела: люди, окружающие ее, тоже стремятся жить по этому закону. Спасибо Нодару!

Эльза Михайловна, патриот своего народа, многого добивается в своей жизни. Будучи заместителем председателя фонда культуры Хакасии, она отстояла в Ленинграде бесценную коллекцию скульптора И.Н. Карачаковой. Коллекция была возвращена Хакасии. "Мы буквально телом защищали ее бесценные экспонаты, днем и ночью находясь в ее квартире. Вот до чего дело доходило! В Ленинграде были люди, которые хотели силой забрать это бесценное достояние".

— Чем вы сейчас живете, Эльза Михайловна? — спрашиваю ее.

— Дел, как всегда, хватает. Но если приподняться над обыденностью... Вокруг меня будто вакуум. Я всю жизнь мечтаю о серьезном национальном театре, со своими выразительными средствами. Но те, с кем бы возрождать национальное искусство, уже ушли из жизни. Кильчичаков, Щетинин, Тодыкова, Килижеков, Спирина, Тугужеков, Ивандаев... И нет подпитки национальной драматургии.

А какие огромные горизонты в режиссуре! Ведь система Станиславского — не одна в мире. А мы этого десятилетиями, получается, не знали! Не было доступа к мировым сокровищам. А есть, есть система индийского театра, английского, да того же брата Чехова — Михаила! Вышла-таки полная его книга. Есть и театральные школы японские, китайские. Мы их раньше не знали, потому что они — антиподы системы Станиславского. Вот и, поднявшись над обыденностью, надо из общего многообразия теорий найти свою, национальную. Короче, найти себя, свое лицо.

Её дом — театр. Она строит его каждый день.

III. ЖИЗНЬ НА ВЫСОКОЙ NOTE.

ЖИЗНЬ НА ВЫСОКОЙ NOTE.

Я видел их в первую зиму возвращения в Абакан. Они зашли — как-то весело, с мороза — в один из кабинетов республиканской филармонии, и мы сразу познакомились — непринужденно, как будто просто давно не виделись. Катенька, в веселом расположении духа, изящно опустилась в кресло, а Леонид, как любовник перед свиданием, бодро вышагивая туда-сюда, что-то опереточно напевал — вероятно, кого-то пародируя. Потом присел, закинув ногу на ногу, и закурил, чему-то улыбаясь.

Потом я узнаю, что они оба самоироничны, понимают друг друга с полуслова, даже с одного веселого прищура глаз. Обмениваются фразами, как будто играя в пинг-понг. Леонид бывает по-мужски и крутоват, а Катенька (ну не могу я как-то называть Кыштымovu Екатериной Ильиничной), Катенька в мечтах хотела бы видеть себя ханской дочерью и провести жизнь в неге у журчащего фонтана. Этой откровенностью они и стали для меня как-то сразу понятными, живыми людьми.

И все-таки, конечно, — Екатерина Ильинична. Девять лет они с Леонидом Ивановичем Третьяковым прожили в Улан-Удэ, работая (для певцов это слово как-то не подходит, ведь правда?) в академическом театре оперы и балета, куда были приглашены руководством театра. Там стали и заслуженными артистами Бурятии. Так-то...

После окончания Абаканского музыкального училища, где Катя обучалась пению в классе педагога В.Г. Чаптыкова, поступила она в Уральскую государственную консерваторию имени М.П. Мусоргского. И что бы вы думали? На Урале есть город Кыштым, а жила Катя в Свердловске в... Кыштымском переулке! До сих пор, как вспомнит, смеется этому совпадению.

Леонид же родился в Белове Кемеровской области, в три года переехал с родителями в Барнаул. Потом, уже юношей, три года отработал слесарем вместе с отцом на заводе. А в 1973 году приехал в Уральскую консерваторию им. М.П. Мусоргского, "увидел Катю — в душу запала. И ...познакомились!"

И тут же они с Леонидом живо и весело вспоминают случай, произошедший с Катей, когда она повредила руку и как студент старшего курса Паша Бельченко помогал ей заплетать волосы.

Я смотрю на него, потом — на Катю. Снова на него... Так вот они и перебрасываются шуточками: успевай записывай.

В консерватории учился Георгий Челбораков (ныне известный в Хакасии, и не только, композитор), учились студенты из Бурятии, Монголии, Якутии... Между собой дружили не по курсам — по талантам. И до сих пор эта дружба, несмотря на время и расстояния, поддерживается.

А тогда, в стенах консерватории... Какая там была дружба! Оба с уважением вспоминают профессора Яна Вутираса, который преподавал вокал (Катя и Леонид учились на факультете сольного пения). Ленья: "После третьего курса у нас и случилась свадьба. Ну, не мог же я расстаться с нею! Ведь пятикурсница была уже". Он по зодиаку — Телец, она — Козерог. Но оба родились в год тигра — от судьбы добиваются всего сами.

После окончания консерватории каждый из них прошел "ярмарку". Это когда съезжаются дирижеры — представители со всех музыкальных театров страны, и "процеживают" выпускников: кому — в оперный театр, кому — в оперетту, кому — в филармонию. Екатерина, например, подписала контракт на работу в Новосибирском театре оперы и балета (т.е. прошла "ярмарку" на "отлично"). Предлагали ей еще Нальчик, Якутию. Но опытней и хитрей оказался

дирижер из Бурятского театра оперы и балета. К тому же у выпускников-вокалистов Новосибирский театр вызывал невольный страх своими размерами.

Леонид: "Сложилось у нас все удачно. В Бурятском театре срочно нужен был тенор, то есть голос именно моего плана. После третьего курса я и перешел на свободное обучение, и мы укатили с Катей в Улан-Удэ. Экзамены сдавать в Свердловск приезжал экстерном".

Они, Третьяков и Кыштымова, муж и жена, впервые встретились на сцене в опере Ш. Гуно "Ромео и Джульетта" еще в консерватории. Большой объем дирижерской и режиссерской работы, мобилизация собственных сил и способностей и как результат—отличная оценка, приглашение в оперный театр. Может быть, тогда и почувствовали они впервые крылья за спиной?

Леонид: "Нет, мама не хотела видеть меня музыкантом, хотя я окончил в свое время музыкальную школу по классу скрипки, а на заводе постоянно ходил в кружок самодеятельности, где была оперная студия. Под гитару я пел магомаевские песни, Тома Джонса (помните "Лайлу"?), пели и песни Дина Риды. Ну, знакомые девчонки взяли и потащили меня в заводской клуб "Трансмаш". Прослушивал нас такой благообразный старик, который меня в студию принял, а девочек—выгнал. Именно он-то и "заразил" меня пением, театром.

О, мне несказанно повезло: не рядовой старичок-то оказался! Он в свое время в Краснознаменном им. А.В. Александрова ансамбле песни и пляски Советской Армии пел, в Америке, Англии, Франции побывал с гастрольями. Потом вдруг врагом народа стал. Ну, его в Барнауль-то сибирский и сослали.

Как бы то ни было, после армии я снова прилип к нему. А уже был возраст! Нужно было определяться с выбором жизненного пути. "Чем будешь в жизни-то заниматься, Ленья?" — задал себе вопрос. Рискнул в Новосибирской консерватории себя попробовать: творческий конкурс, чуть ли не неожиданно для себя, прошел. Значит, думаю, могу! И — снова к своему благообразному старичку. Год еще с ним позанимался. Да, мно-о-гое он мне дал, подарил".

Мы беседовали в кабинете филармонии на следующий день после премьеры оперы Д. Верди "Травиата". Екатерина, слушая мужнины "тернии к звездам", задумалась и, когда я попросил, стала вспоминать свой путь на сцену—вспоминать тепло, непринужденно. Она уже была, как пишут "быстрые перья", во власти воспоминаний. "Странное дело... Я росла в деревне. Казалось бы, откуда тут появиться мечте стать артисткой?! Но уже с пяти лет я себя ею только и представляла!

Самым ярким впечатлением раннего детства оказался фильм под названием "Сильва". Как сейчас вижу ее черное с блестками платье. И все!.. Решила: буду только артисткой. (Смеется).

Я ведь начала свой творческий путь в прямом смысле "от печки". Большая русская печка стояла у нас посреди большой комнаты. Когда к нам приходили гости и просили спеть, мама наряжала меня в сшитое ею же нарядное платье, по моей горячей просьбе укладывала волосы в прическу "как у артистки"...

До сих пор ощущаю и помню то родное тепло очага, то волнение, которое и сейчас переживаю перед выходом на сцену к любимым моим зрителям.

В селе Таштып, где прошла вся моя сознательная жизнь до поступления в музыкальное училище, источником знакомства с серьезной музыкой в нашем доме было радио. Казалось бы, о какой опере могла быть речь? Но я мечтала и стала-таки первой хакасской оперной певицей!"

Что это—судьба?

Везет, наверное, тем, кто сам идет навстречу своей судьбе. Потому в консерватории Кате и повезло с педагогом, заведующей кафедрой Ольгой Ивановной Егоровой. Она-то всегда брала к себе самых лучших студентов. Катерина помнит танцевальный солнечный зал консерватории. И танцевала она перед профессоршей в цветном платье! И та взяла ее к себе. Она из Москвы была, Ольга Ивановна. Мужем ее был Егор Егоров, доктор искусствоведческих наук. Но это — позже. А в молодости он, бас, пел вместе с ... великим Федором Шаляпиным. Если Шаляпин пел Бориса Годунова, то Егор Егоров—Пимена. И надпись Екатерина с Леонидом видели на снимке (в партии Бориса) в доме Егоровых: "Милому Егорушке от Федора Шаляпина".

Теперь скажите, что не бывает в жизни счастливых случаев, особенно для тех, кто стремится к цели, своему предназначению. Екатерина: "Когда мы приехали из Свердловска в Бурятию, то встретили нас тепло и сердечно".

Леонид: "Там, в Бурятии, дорожили талантами. Все друг к другу относились доброжелательно. Не исключением явились и руководители театра, руководители республики. Как квартира? Как дети? Нравится ли Улан-Удэ? Такое внимание здорово помогало нам в работе. Нас тепло принимала публика.

Многое дал в общении с нами оперный режиссер мировой величины Роман Иринархович Тихомиров. Тогда я для себя

понял: чем выше, талантливее люди, тем они мудрее, доступнее. Так считаю и сейчас".

Бурятия дала много молодым артистам Леониду Третьякову и Екатерине Кыштымовой. Часто, в целом по три месяца в году, они находились на гастролях. Объехали чуть ли не весь Союз—от Владивостока до Ленинграда. Но отдаленность Улан-Удэ от центра все же сказывалась! Почти не было возможности участвовать в различных конкурсах, фестивалях. И появилось у них чувство "карманных певцов", как сказал Леонид Иванович. В творческом плане захотелось новых впечатлений.

Леонид: "Я стал выходить на другие театры... Нас пригласили в нынешний Бишкек, на прослушивание. Два спектакля спели мы с Катей. Нас признали сразу: мастера сцены. Первые спектакли на новой сцене... Понравилось! И народ другой, и не то, что в Сибири—яблоки, солнце! Самое приятное — люди стали ходить на наше имя. Так мы "выскочили из кармана".

И пошли гастролы: Ташкент, Душанбе, Алма-Ата... На этом солнечном витке жизни судьба свела нас с оперным певцом мировой величины, ныне солистом Мариинского оперного театра в Санкт-Петербурге, Булатом Минжилкиевым. Он — народный артист СССР, у него множество всевозможных премий и т.д.

С ним-то мы и записались в ряде оперных спектаклей—как лучшие певцы Киргизского государственного театра. Хорошо сработались с его главным дирижером и симфоническим оркестром радио и телевидения Киргизии, республиканской филармонией, всюду совместно давали концерты. С нашим участием был снят хроникально-документальный фильм о республике. Хотелось бы, чтобы правительство Хакасии финансово помогло нам выкупить эту продукцию, точнее—переписать те спектакли, концерты и т.д. Это было бы культурным фондом Республики Хакасия".

Всему свое время, говорят. Началась в стране перестройка. Республики пошли отходить от Союза. В Киргизском театре наметился застой. Они, как и другие артисты, на ветру времени стали гастролить по приглашениям. А пошли приглашения на работу в Алма-Ату, Ташкент, Баку... Главный режиссер Бакинского оперного театра слышал их дуэт, мастерские голоса, пригласил: "Приезжайте! Сразу дам трехкомнатную квартиру!"

Появилась возможность работать по контракту, т.е. ставить свои условия перед руководством театра и принимать то, что устраивало. Леонид становится контрактным певцом, "свободным художником".

Он, переезжая с места на место, работал в театрах Перми, Воронежа, Ленинграда, Свердловска, Казани, даже в Германии! Там он спел на немецком языке партию Эрика из "Летучего голландца" Рихарда Вагнера. На его выступление откликнулся журнал "Франкфурт" с хвалебной статьей о том, что "господин Третьяков поет не только без русского, но и немецкого "земельного" акцента". Это была высокая похвала, которой Леонид Иванович, между нами, был чрезвычайно удивлен и ... обрадован, конечно.

Потом через Москву ему последовало приглашение в ... Латинскую Америку! Правда, пришлось выдержать жесткий отбор-конкурс в Москве. Но он сумел пройти все туры и укатил, не веря еще себе, в Аргентину на целый месяц! В самом большом оперном театре мира "Колонн" в Буэнос-Айресе он пел партию Водемона в опере Петра Ильича Чайковского "Иоланта".

Вот так оказалось для меня, что за плечами у Леонида Ивановича Третьякова—такой солидный творческий багаж. А я, когда шел на беседу с ними и Екатериной Кыштымовой, и подозревать даже не мог, что он выступал в горячей Южной Америке, самом большом оперном театре мира. Как об этом можно говорить? Не иначе, как о звездном часе. Или я тогда не понимаю, что значит это выражение.

Когда же на их горизонте появилась родная Хакасия? Хотя... Вернее было бы сказать, что связь с ней не прерывалась вообще, так как они приезжали сюда каждый год и частенько выступали перед земляками. В конце концов водоворот перемен вынес двух видных певцов страны на тогдашнего министра культуры Республики Хакасия Владимира Герасимовича Чаптыкова. И он не мог не сказать им о том, что молодой республике нужны их талант и профессиональный опыт. И ради этого они "снялись", порвали контракт с Пермским оперным театром, куда незадолго до приезда в Хакасию были приглашены петь.

В общем, получилось—как с небес спустились. Их ждала... "общага" Абаканского тогда еще музыкального училища. Потом семью известных певцов приютила у себя Зинаида Аршанова. Нет, это была уже не романтика: после стабильной, отлаженной жизни вновь испытывать трудности... Впрочем, эти трудности уже почти забыты, потому что артисты—народ легкий на подъем. Это в полной мере относится и к их детям, Лене и Илье, которые "родились и выросли в театре", как шутят их родители. И для них запах кулис—родной и привычный.

Им дали квартиру. Временную. На девятом этаже. Без лифта. Их сопровождало привычное ощущение жизни "на чемоданах". Вспомните каждый себя на вокзале, и станет понятно, что это такое—

вокзальное сидение. А творческому человеку внутренний душевный покой—это ведь все! Будет настрой—будет звучать и голос. А тут... Что было делать? Разве лишь думать, как на девятый этаж занести на горбу мешок картошки?

Екатерина: "Я какая-то инертная. Так люблю все мечтать! О южных фруктах, журчащих фонтанах..."

Какой творческий человек, всецело отдающий себя искусству, не поймет, о чем речь?

И тем не менее надо было подняться над суетой! Забыть, что тебе в Германии, например, за исполнение одной только арии платили сразу полторы тысячи марок. Сразу! А тут—300 тысяч рублей в месяц. Бабах! Забыть, забыть, забыть! Забыть о проклятом быте, иначе творчеству—конец!

И сделан был первый шаг, навстречу себе: практически без костюмов, симфонического оркестра, без поддержки хора, но подготовлена и показана была в Абакане опера "Травиата"!

Ведь за плечами Екатерины Кыштымовой и Леонида Третьякова—десятки партий. У нее любимые—Виолетта из "Травиаты", Джильда из "Риголетто", Розина из "Севильского цирюльника"... У него—Хосе из "Кармен", Радамес из "Аиды", многие-многие другие. Более сорока драматических и лирических партий из разных опер спето уже!

Дуэт... Это слово применимо к Кыштымовой и Третьякову как в жизни, так и на сцене. Они, конечно, следят за оперной жизнью в стране и не хуже других "звезд" знают, что большинство оперных театров поддались рутине, что возрождается в последнее время Большой театр, а Мариинский и Казанский (в последнем Леонид Третьяков участвовал в фестивале имени Федора Шаляпина) живут уже полнокровной жизнью.

Екатерина: "Я люблю петь и романсы. В них—целая жизнь. И всего-то за три минуты нужно суметь прожить ее. Не спеть, а прожить на сцене. И в этом смысле, чем романс—не оперный спектакль?"

Есть такое выражение: взять верхнюю ноту... Леонид Третьяков считает, что к верхней ноте надо подойти, как к концу жизни: возьму или не возьму эту высоту? Он сумел взять. А ведь многие певцы, прожив и пропев всю жизнь, так и не выходят на свою "верхнюю ноту". Это, действительно, редко кому удается: даже у мировой известности Лучано Паваротти глаза бегают, когда он берет верхнюю ноту! Это можно понимать и буквально, и фигурально: верно будет в обоих случаях.

И потому, наверное, многого добившись в искусстве, Екатерина Кыштымова имеет право сказать: "Мы—счастливые люди. Мы

занимаемся любимым делом. Для нас это—все. На сцене быть и исполнять прекрасную музыку—счастье".

... Когда в прошлом году мэр Москвы Юрий Лужков приезжал в Абакан, после артистов-москвичей выступала Екатерина Кыштымова. И она своим восхитительным "Соловьем" (что тут уж говорить), на радость абаканским зрителям, удивительно талантливо, как только она и умеет, затмила столичных артистов. "Эка! — на взметнувшейся волне гордости прицокнул я,— вот вам наш изумруд!" Юрий Лужков, конечно, не хуже других понимает художественный уровень исполнения. Он, не по возрасту ловко и стремительно взбежав на сцену, поцеловал ручку хакасской нашей красавице-примадонне. Это было, что тут скрывать, живое столичное признание, а не дежурный знак уважения, приличествующий случаю.

* * *

Леонид Третьяков и Екатерина Кыштымова со своими детьми получили (наконец) благоустроенную современную квартиру в Абакане. Леонид Иванович возглавил музыкальный колледж. Екатерина Ильинична—"Мастер-класс" при республиканской филармонии. Но самое главное—оба стали заслуженными артистами России!

У каждого—своя высота. "А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?"—резвился юноша Маяковский. Эти не столько шуточные, сколько философские строки понимаются каждым, само собой, в переносном смысле.

Смогли бы?

Мой дуэт уже ответил на вопрос, который встает перед каждой творческой личностью. И потому их жизнь на высокой ноте для меня означает труд, а не является красивым образным выражением.

СКОЛЬКО СТОИТ МУЗЫКА К "ВИШНЕВОМУ САДУ"?

(Штрихи к портрету композитора Владимира Раздобурдина)

Талантливый человек—как айсберг. Он может годами писать (сочинять музыку, рисовать картины)—и оставаться никому не известным. И вдруг в один день стать, если не знаменитым, то известным. Сколько текуще, подспудно было уже написано у Лермонтова, и только со "Смертью поэта" о нем заговорила вся Россия. Сколько книжек, кинофильмов выпустил Шукшин, но слава к нему пришла только с "Калиной красной". Не сразу для себя "всплывает" человек, но для всех он становится известным чуть ли не в один день.

Об этом думал я, идя на встречу с композитором Владимиром Раздобурдиным. Прошлой осенью посмотрел я трехчасовой спектакль Русского драматического театра "Вишневый сад". Нельзя было не устать: восприятие притуплялось. Но музыка! Она меня поразила своей осенней уходящей тоской, благословенностью скоро погибнувшему вишневскому саду... Музыка оказалась главным героем, на мой взгляд, этого неординарного спектакля. Она замечательно передала тон (!) "Вишневого сада", а точнее—душу Чехова, его робкую ностальгию по еще одному разрушенному дворянскому гнезду, жизни его благовоспитанных обитателей, их навсегда ушедшему вишневому детству.

Я и раньше краем уха слышал фамилию—Раздобурдин. "А кто написал музыку к "Вишневому саду"?—поинтересовался после спектакля. —Кто сумел передать чеховскую улыбку сквозь слезы?" Так вошел в мою душу композитор Раздобурдин. И когда была передача по местному телевидению, посвященная его творчеству, я, еще не зная этого, из кухни вышел (или выбежал) в зал на замечательную мелодию, звучавшую по телевизору. У осенней реки, под тихими желтыми тополями, человек с саксофоном просто играл... сентябрь нашей жизни. И я уже не отошел от экрана.

Так, повторяю, я открыл для себя Владимира Раздобурдина. И, сами понимаете, захотелось узнать о нем как о человеке многое. Ну, во-первых, я думал, он моложе. Оказалось, на будущий год будет справлять уже пятидесятилетие. Упаси Бог назвать его мастером!

Сколько технически грамотных "вещей" ежедневно слышим мы, но они не трогают нашей души! Талант выше мастерства...

И вот я в музыкальной студии Русского драматического театра. Как и стоило ожидать, из студии, конечно же, звучала музыка. Девушки-близняшки Люба и Надя Лушниковы, из-за финансовой нужды работающие чуть ли не техничками в ЖДК (а по профессии они воспитатели), разучивали с Раздобурдиным новую прелестную песенку "Дождик". Забежал на минутку в студию Виктор Федорович Шлык, актер театра, поблагодарил "виновников" за хорошее пение.

Как будто всегда мы были знакомы... Владимир Изосимович, глядя на исполнительниц, сказал: "Время сейчас такое, что ставит всех, куда им не надо... Перекрутки, словом, общества". Песня, что тонко спели сестры-близнецы, пойдет на открытие очередного сезона Хакасской республиканской филармонии. Я подумал: поют девочки талантливо, с Раздобурдиным у них может быть большое будущее. А он мимоходом наставлял: "Пойте так, чтобы создался образ дождика как бы из детства".

Исподволь, между репетицией и чаем, завязалась "бенд-беседа". Меня интересовало: откуда он?

— Помор я, помор. Раздобурдин — единственная архангельская фамилия, наверное. Чисто русский я, Чингисхан — у нас не был. Я горжусь своей кровью.

— А как же — в Абакан?

— В 1962 году брат мой приехал сюда строить трассу Абакан—Тайшет. Я решил Сибирь посмотреть и — к нему в гости. В то время играл на баяне. Брат мне и сказал: "Поступай здесь в музучилище". Я поступил, окончил его. Так до сих пор и мотаюсь — живу здесь, — и он развел руками, улыбнувшись впервые.

В их семье было семь детей. Володя — пятый. Отец был капитаном парохода, мать — домовница. Двух братьев уже нет... Третий брат живет в Архангельске, сестры там же, четвертый — в Москве, тоже музыкант.

По знаку Зодиака он — Дева. Любит быть один. Но совсем не получается! Любимая цифра, знаете какая?—двенадцать. "Двенадцать апостолов Христа, двенадцать звуков",—говорит он. Вот почему. И еще: "Когда один—мысли приходят. И в грусти—тоже".

Была в его "зеленой биографии" Ленинградская консерватория имени Римского-Корсакова. Ушел он из нее или исключили—понимайте, как хотите. Он же сказал: "Много было лишнего в консерватории для меня. И я решил: если человек не вырывается из общепринятых стереотипов, он становится зомби, "как все".

Но! (судьба, значит) в это смутное для себя время встретил он саратовского джазмена Николая Левинского, сейчас всемирно известного и признаваемого даже в Америке, что очень непросто, считает Владимир Изосимович. Встретил здесь, в Абакане, где тот преподавал "Теорию музыки" в музучилище. Именно Левинский взял его в джаз. Владимир не был новичком в этом деле, с седьмого класса занимался джазом. Но (его слова): "Он перевернул во мне все взгляды на жизнь, в том числе и на музыку".

— А что в вашем понимании быть джаз-музыкантом? — вопрос к нему — один из главных для меня.

— О... Это — не музыка. Это мое состояние души, образ моей жизни. Я бы всегда хотел видеть себя с саксофоном. Ведь кто-то еще точнее меня сказал: "Элемент джаза — радостно-жертвенная самоотдача..." Я люблю, выступая со сцены, посылать людям подсознательную музыкальную энергетику. Она тут же, оттолкнувшись от них, возвращается ко мне, творчески будоража душу".

Я не опережаю события. Раздобурдин-композитор нашел себя, и нашел великолепно. О нем теперь знают не только у нас в Хакасии. Каков был путь к этому? "У меня была постоянная неудовлетворенность сделанным, — сказал он. (Как это знакомо творческим людям!). — Это, наверное, и заставляло искать последнюю верную нотку.

Перелом же в душе моей, как музыканта, произошел во время Международного джаз-фестиваля в Абакане в 1989 году. Выступление было очень ответственным: соперничали с нами финны, шведы, швейцары, американцы... Словом, сами понимаете. Тем не менее меня заметили... Подошел после концерта ко мне Володя Резицкий из Архангельска, с которым мы росли и играли в ансамбле, и сказал: "Старик, ты играешь как будто на последнем дыхании. Отдайся джазу це-ли-ком!" Я тогда, наверное, и сделал ставку на себя... Джаз дал мне творческую свободу."

— Что же сейчас главное для тебя в творчестве? (Мы незаметно перешли на "ты").

— Простое все должно быть. В этом вся мудрость. Мелодия должна быть узнаваема. Я в нотах просто ставлю свои знаки. Вот и все.

Спустя некоторое время, противореча себе (а скорее всего, наоборот), он с чувством человека, прекрасно знающего свое дело, коротко, но гордо сказал: "А вот попробуй передать в одной шестнадцатой такта душу Чехова!" Это был ответ, достойный и мастера, и таланта. Я так ждал его.

А как же до "Вишневого сада" текла его повседневная творческая жизнь? Двадцать лет Владимир играл в ансамбле "Калейдоскоп" городского ДК, написал сотни, как он сказал, песен. Сейчас все они забыты. Наверное, потому, что песни эти шли без его фамилии, даже псевдонима. "Мне важна только реакция зрителя". А так... Он написал музыку уже к десяткам спектаклей. Но попаданий в "десятку", как он выражается, в пять раз меньше, чем написано мелодий. Сейчас же Владимир Изосимович возвращается к мелодической музыке 60-х годов, большое внимание обращает на слова песни. "Во мне идет, считаю, нужный духовный процесс — согласно возрасту".

Не все, далеко не все сказал о себе в те минуты Раздобурдин. Например, не сказал о том, что в свое время играл в известном на всю страну джаз-ансамбле Кролла, причем вместе с Вилли Токаревым, который тогда увлекался контрабасом. Когда тот приезжал в Хакасию (совсем недавно), у них состоялась очень теплая дружеская встреча. А песню "Старая примета" хотела купить, будучи на гастролях в Абакане, группа "Любэ". Но не пошли авторы слова и музыки на это: у них автоматически аннулировалось авторство. Кому понравится? Мир искусства — не мир бизнеса.

Ах, да. Был в беседе момент, когда я не поверил своим ушам: Владимир сказал, что он вовсе не композитор-песенник! "Многие песни просто пишу по необходимости, не хватает репертуара". Ничего, кроме улыбки "ну и ну!", у меня это удивительное заявление не вызвало. Ну, Раздобурдину это чудачество простительно. Пусть не считает себя композитором-песенником, но музыку пишет. И поет. Выступал вот недавно он перед водителями автоколонны № 1259. Исполнил "Старенький автобус", на "бис" исполнил. "Просто некому было петь", — скромно объяснил. А водители задали после этого вопрос, что называется, не в бровь, а в глаз: когда будешь сам петь?! Значит, получается.

Конечно, получается, как и у Добрынина. Ведь первые три места на "Сибириаде-95", проходившей в Абакане, заняли его песни, в том числе в авторском исполнении: "Прощальный вальс", "Время", "Сибирская полечка" (все — на стихи Владимира Зазулина). И это только — один пример!

Сочинить и исполнить... Это целая тема в музыкальном искусстве.

— Вот возьмем мне лично знакомую Ларису Долину, — говорит Раздобурдин. — Её композитор погиб, она не может найти до сих пор себе другого. Или разговаривал на эту тему с Роксаной Бабаян,

которая выступала в Абакане недавно. У нее тоже — свой композитор. Это важно — найти друг друга!

Как Владимир Раздобурдин относится к известности? "Плохо, когда ничего о тебе не говорят", — коротко ответил он. И тут мы подошли к "Вишневому саду".

— Главная тема мелодии к спектаклю — не по произведению Антона Павловича! — огородил он. — Я пошел не к саду, а к душе Чехова. Всего его прочитал, особенно письма, и понял: не юморист он, хи-хи да ха-ха. Своего тогда Чехова вообразил я. Таким и нарисовал в музыке. Это — мелодия печали, ухода...

И больше он ничего не добавил к этому. Но я узнал, что на запись окончательного варианта мелодии к "Вишневому саду" у него ушло... двадцать аудиокассет! Варианты отвергались один за другим. Одна, две ноты — не те! Наконец мелодия "пошла"...

А вот "Дождик" он написал всего за десять минут! Сходите на концерт — и непременно удивитесь детской непосредственности этой замечательной песенки.

Мелодию же к спектаклю "Вишневый сад" главный режиссер Сергей Григорьевич Болдырев увез в Иркутск, так ее переписали вездесущие американцы, и она звучит уже у них в Америке.

Помню (из песни слова не выкинешь), как совсем недавно художественный руководитель Э.М. Кокова удивлялась вслух со сцены театра перед зрителями тому, как Раздобурдин, русский по духу, понял дух тюркский и написал прекрасную, завораживающую мелодию к спектаклю "Сарыг Чанывар". Я напомнил ему об этом, сказал, что тоже разделяю эту точку зрения: музыка удивительная. Владимир Изосимович улыбнулся, сказал: "Я почувствовал просто, какая музыка нужна к этому спектаклю... Вообще же тюркский дух — это камни, ветер, барабан, степи".

Нет, творческих людей в быту не понять! Ну, заплатила ему, как композитору, за сочинение музыки к спектаклю Русского драматического театра "Рождество в доме Купьелло" миллион рублей. У него ведь семья, дети, жена без работы... Нет, деньги потратил он, тем не менее, не на продукты даже — купил себе в студию... новый синтезатор. Вот такой сюрприз приятный сделал для семьи. Да, шутили мы, смеялись и вспоминали, что вдохновение не продается... А у него, Раздобурдина, не продаются и готовые песни.

Он посерьезнел. "Музыка — материя невидимая, она — в форме духа. Но это — материя, мы ведь ее ощущаем!" — только и сказал. А потом произнес и лукавую, и вполне резонную фразу, которую я вынес

в заголовок: "А сколько, скажите, стоит музыка к "Вишневому саду"? И я тут же вспомнил до этого сказанное им уже: "А вот попробуй передать в одной шестнадцатой такта душу Чехова!"

За работу надо платить, за творческую — вдвойне. И кто, действительно, скажет, сколько стоит музыка к "Вишневому саду"? Увы, все знают Моцарта, но не все знают, что умер он молодым и нищим-пренищим... Горькая, горькая ирония мира искусства и мира денег. Горькая и, увы, как видно, вечная.

Раз уж заговорили о великих композиторах, я поинтересовался его кумирами: перед кем преклоняется он, Раздобурдин?

—Перед Чайковским и Шнитке, — был его ответ. — Последнего многие не понимают. Наше музыкальное сознание еще слабое.

Может, когда в обществе окрепнет музыкальное сознание, тогда и композиторы будут "поставлены на должную высоту"?

Ведь звучит, звучит во мне его мелодия "Вишневого сада"!

IV. "ЖДИТЕ, И Я ВЕРНУСЬ..."

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Можно начать с расхожей фразы: счастлива журналистская судьба на встречи с уникальными людьми, многие из которых еще при своей жизни вошли в историю родного государства. Ну куда от этой фразы деться, если она — правда?

В моем архиве как самая дорогая реликвия хранится фотография, где я с моим коллегой по работе Сергеем Ежовым снялся в редакционном кабинете тогда еще "Советской Хакасии" с легендарным Мелитоном Кантария, который 30 апреля 1945 года вместе с Михаилом Егоровым водрузил Красное Знамя Победы над рейхстагом в поверженном Берлине.

Об их подвиге знает весь мир.

Михаил Алексеевич Егоров в Великую Отечественную войну партизанил в Смоленской области, оккупированной врагом. Потом был разведчиком стрелкового полка, отличился при форсировании Вислы и Одера. Сержант, в 1946 году стал Героем Советского Союза. Вместе

с Кантария. Вскоре после автомобильной аварии, как рассказывал Мелитон Варламович, он в 1975 году умер.

Сейчас нет в живых уже и Мелитона Варламовича Кантария. Года два назад, если не ошибаюсь, я услышал о его кончине по радио. Во время войны он был старшим сержантом, тоже, как и Егоров, разведчиком стрелкового полка. Им двоим и выпала историческая миссия: водрузить Знамя Победы над рейхстагом.

В военном энциклопедическом словаре о каждом сообщается несколько строчек. Всего несколько строчек. Но подвиг их описан в сотнях статей, десятках книг. Их фамилии, по-моему, знает каждый со школьной скамьи. Каждый! И вдруг, как говорится, увидеть живую историю.

Как же Мелитон Кантария оказался в свое время в Абакане? Здесь, в Абаканском гарнизоне, насколько мне известно, служил его внук. И вот в ноябре 1986 года Мелитон Варламович приехал к нему в гости и, таким образом, оказался после в руках местных журналистов, которые встретились с ним в стенах двух редакций: "Советской Хакасии" и "Ленин Чолы". После удивительной пресс-конференции мы "своровали" с Сергеем Михайловичем Ежовым драгоценного гостя, сопроводили его в мой кабинет, где фотокорреспондент Владимир Полежаев и сделал снимок.

Среди будничной суеты, рабочих забот вдруг услышать: во столько-то часов будет встреча с Мелитоном Кантария — это, знаете... дорого стоит! Ведь экспонируем мы в музеях боевой славы личную одежду прославившихся в войну людей, их личное оружие, письма... А тут по редакционному коридору, где ты пробегал-проходил уже тысячи раз, буднично так идет действительно живая история — Мелитон Кантария! И тяжеловат по старости, и торопливо переставляет, семена мелкими шажками, ноги, но... Что твоя жизнь перед его жизнью?!

И недаром он, уставший уже не только от своих лет, но и многолетней славы, на мой вопрос детальней рассказать о том, как они с Егоровым поднимались на купол рейхстага, только с грузинской лукавой улыбкой и ответил:

— Конечно, не на лифте мы туда поднимались.

Я читал об этом их подвиге. Но хотелось лично от него самого услышать хоть несколько слов! В его ответе прозвучало гордое отношение к тому, что они совершили с боевым товарищем 30 апреля 1945 года в поверженном Берлине: "не на лифте..." Этого было достаточно. Потом Мелитон Варламович подробнее рассказал, как

было все-таки дело. А я жадно смотрел на него, стараясь запомнить свое впечатление от человека-легенды.

Тогда, в ноябре 1986 года, ему было уже 66 лет. Не так и много, впрочем. Но война взяла свое. Ноги, действительно, слабо держали его мощное грузное тело. При рукопожатии чувствовалась рука кузнеца — увесистая, по-мужски грубая. И по интонации речи, и по словечкам, и по жесткой порой усмешке тоже не менее чувствовалось, что в молодые годы Мелитон Кантария был человеком отчаянным в своих действиях. Словом, гордостью в мужской половине. Ведь и среди мужчин немало было "застенчивых в бою". Да что рассуждать: Красное Знамя Победы нашей страны воодрузить над рейхстагом даже сотому попавшемуся не дали бы.

Мы сидели несколько минут, разговаривали (Мелитон Варламович не очень четко, но сносно говорил по-русски), а я в это время смотрел на его некогда мощные руки, грубые ладони... И не мог поверить, что именно эти руки водружали Знамя Победы.

Жизнь — это же вовсе не столько годы, сколько какие-то вехи, вершины. Для меня одной из таких вершин в жизни является та ноябрьская встреча с обыкновенным человеком необыкновенной солдатской судьбы, навеки вошедшим в историю Родины.

Если бы не его внук, никогда бы этой встречи не состоялось, и я никогда бы не вынес своего живого впечатления от человека-легенды, которым по праву гордится отечественная история.

Дорожи всем, ибо все — временно. Постоянно только прошлое — необратимое, как прошедшая только что секунда.

“ЖДИТЕ, И Я ВЕРНУСЬ...”

...Эти строки он написал еще собственной рукой на цветном фотоснимке, присланном из Чечни. Написал с многоточием, потому что, несмотря на эту определенность слов, дальше, он не хуже других понимал, его ждала неизвестность. Каждый день, каждый час. Ведь с войны снимок-то... А я это многоточие ощущаю сейчас, как последние усиленные удары гибнущего, заходящегося кровью юного сердца.

25 февраля Николаю Доможакову исполнилось бы двадцать пять лет. Как будто уже оттуда и опять с многоточием, он теперь не то делится с нами, не то предупреждает словами из песни, написанными им опять же на фотоснимке, только другим: "...ничто на Земле не проходит бесследно". И о жизни, уже отошедшей для него навсегда: "Как молоды мы были..." Как мо-ло-ды...

Он будто написал это за всех своих современников, в мирное время нелепо погибших в этой непонятной войне. Я помню (прямо сейчас перед глазами встало), как показывали по телевидению умирающего на руках военных санитаров паренька, бойца из Североморска, который в предсмертной муке, уже задыхаясь, проговорил: "Только спасите, братцы"... Только..." Умер прямо в "кадре". Это было страшно (до расширения зрачков) видеть даже по телевизору.

О гибели в Чечне Николая Доможакова я узнал из нашей газеты "Хакасия". А спустя несколько месяцев мне принесли его черную книжку...стихов, 1988—1989-х годов. Я помню, удивился и обрадовался такой неожиданности и внутренне похолодел: даже боялся дотронуться до этой солдатской записной книжечки. Первое же попавшееся на глаза четверостишие Николая Доможакова резануло (надо же) ожидаемым им предчувствием:

...Но я не вижу тех путей,
Которыми идти мне надо.
Хоть душу всю свою излей—
А все равно тупик когда-то.

Сами понимаете, дело тут не в отделке строчек — их существе. И потому я решил написать о нем. Не думал, что человек на войне

(именно Николай) еще сочинял и стихи. Пусть они неумелые, но это занятие много говорит мне о нем как о человеке.

После гибели Николая на моем столе оказалось несколько писем, которые он писал невесте Алене — очень симпатичной, очень женственной. Я попросил ее, если можно, принести хоть несколько писем...

Он пишет ей: "Время—половина третьего ночи. Самое же трудное—между шестью и семью утра: больше всего спать хочется. Взял с собой стихи почитать — люблю это дело до безумия! Особенно, когда в тему... Так и хочется тебе что-нибудь написать, так и подмывает. Но, увы, не имею права тебе такие стихотворения посылать. Еще, наверное, ни разу так не мучился".

"Первые строки письма всегда банальны", — признается в другом он письме Алене Тохтобиной, и потому после "Здравствуй!" первые три строчки письма у него — одни точки. Опять, заметьте, эти точки... "Лучшим временем для написания писем считаю караул. Никто не мешает, не надоедает. Спать до утра не положено, хоть всю ночь сиди и пиши. Иногда интересные мысли в голову приходят..." А под конец письма приводит строки известного поэта: "И намокшие розы дышали в холодном ведрке".

Чутким был Николай, человек в военной форме, прекрасно чувствовал красоту жизни, красоту слова.

Побольше бы таких офицеров— и поэтов, и влюбленных. При исполнении же своего воинского долга Николай не был, как говорят, застенчивым. Я разговаривал с Владиславом Чебодаевым, исполняющим обязанности инспектора по боевой и специальной подготовке ОМОНа и МВД Республики Хакасия, сослуживцем и просто другом Николая Доможакова, с которым они вместе были в Чечне в августе 1995 года.

— Когда Николай к нам пришел, — вспоминал он, — в нем порадовали многих его порядочность, высокая дисциплина. Выполняя в Чечне обязанности командира взвода, он все делал для сохранения личного состава: требовал порядка и четкого исполнения каждым своих обязанностей. На блокпосту при въезде в Грозный мы вели досмотр автотранспорта — нет ли оружия, наркотиков. Обстреливали нас ночью, дважды — днем. Все сорок пять суток — на нервах, словом.

Сейчас вот пришла на память мне давняя песня. Еще в школе пели мы ее: "...И все-таки, мальчики, постарайтесь вернуться назад". Пели на уроках пения. Несмотря на мужественность, в душе Николай был, наверное, больше героем из этой песни: непожившим,

недолюбожившим... И трогательно было мне, с высоты уже своих лет, читать юношеское признание его Алене: "Если бы в Абакане тебя все знали, я бы на конверте даже адреса и имени не писал, а просто подписал бы: "Самой красивой девушке", и это письмо неизменно пришло бы к тебе! Это уже не шутка".

Алена... Не жена, не вдова. Мучительны ночи ее. "Теперь... Ты — никто. Я — ничто. И — никого. А шар земной все так же кружится". В одну из трудных ночей она встала и записала это.

Познакомились они после вечера встречи выпускников Хакасской национальной школы. А потом он (ведь военный) уехал служить в Приморье на целых два года. В Хакасию возвращаться уже не хотел.

— Я узнала: он стихи пишет, — рассказывает мне Алена. — Не раз читал вслух. В письмах же высылать их стеснялся. А так в жизни всегда уверен был в себе, умел все объяснить. И о человеке заботился всегда — о конкретном человеке.

Она замолкает.

— После первой поездки в Чечню, знаете, приехал возмужавшим: не телом — душой, скорее. И похудевшим. И стал, как бы это вам сказать, драматичнее смотреть на мир. Перед второй поездкой в Чечню, уже в ноябре 1995 года, снял с шеи свой "номерок смертника" — ну, который выдается всем военным в боевой обстановке. Такой опознавательный номерок. Это они уже так его окрестили: "номерок смертника". В общем снял и подарил мне. Теперь этот номерок "У—661198", видите, ношу я...как талисман, как память.

Из письма:

"Алена, тебе никогда, случайно, не было жалко, обидно за бесцельно прожитые годы? А мне вот, чем больше об этом думаю, тем больше это лезет в голову. Уже четверть жизни прожита, и все зря. Лучшие годы. Вдалеке от... (наверное, хотел написать: Тебя?) Зачем так мир устроен? Как сказал один поэт, зачем мне жизнь дана? А может, он не прав, этот поэт?"

Душа, присутствие которой каждому из нас так ощутимо ночью, его душа мучилась — значит, рождалась к чему-то новому. "Ты пишешь, Алена, будто я достиг в жизни своей цели... Так знай: я в этой жизни вообще ничего не достиг и не добился! Но время еще есть, может, что-нибудь получится... Уже взрослый, даже усы отрастил. Правда, сбрил сразу — не понравились они мне. Не мои какие-то".

Николая волновал смысл жизни, впрочем, как и многих в молодые годы. Неужели и потому, что он предчувствовал в этой жизни ее скоротечность по отношению к себе? Стихотворные строки полны

душевных исканий: "Прошу я, жизнь, тебя, молю: отдай ты долю мне мою", "А что ты сделал в жизни этой?", "Разве хочется кому-нибудь уйти, в этой жизни не оставив след?", "Так может жизнь пройти, как этот незаметный день". Много таких у него строчек.

При всем его одиночестве, без необретенного смысла жизни, без Нее, у него все же были друзья. "Почти все друзья у меня здесь... Настоящие друзья, которые всегда придут на помощь. С которыми я всегда могу поговорить в трудную минуту, и станет легче". Но этого для его души мало, видно, было. И он опять пишет Алене: "Вообще ненавижу письма писать, потому что не умею. Во сто крат лучше поговорить при встрече, если она будет. А она будет! Иначе зачем тогда солнце всходит, весна сменяет зиму и вообще люди живут?"

Последний для него, 1995-й год, он хотел встретить в родной Хакасии. Но... "Новый год встретил нормально, только не совсем так, как хотелось бы. У меня это уже восьмой Новый год, который я встречаю не дома. Надоело!" Это письмо еще из Приморья. Но разве он знал, что этот год для него — последний? И, занятый будничной воинской службой, в которой не терпел расхлябанности, отвечал Алене: "Ты спрашиваешь, чем занимаюсь я в свободное время. А лучше бы спросила, есть ли оно у меня?" По-мужски жестковато сказано, правда? Но под бронежилетом, который он надел в Чечне, билось горячее, любящее сердце: "Алена, милая, я часто думаю о тебе, вспоминаю твои жесты, твой смех... Так хотелось бы быть всегда с тобой рядом! Всегда! Большого счастья, наверное, нет".

Чувствуете?

В Тюмени пасмурно. Дожди.

Все льют и льют.

На сердце грусть.

Мне крикнуть хочется;

"Дождись!"

И ещё:

И тут вдруг капельки дождя

На фотографию закали.

А я смотрел все на тебя,

И мне казалось—ты заплакала...

Не знаю, как у вас, а у меня в эту минуту уже создалось впечатление, что Николай как будто не принадлежал себе. Отсюда и поиск им смысла жизни, такой обостренный, и душевные мучения от несовпадения желания любить и жестокого отсутствия возможности этого. Война!...

— После августа-сентября, в ноябре 1995 года, Коля второй раз поехал в Чечню, — тихо говорит Алена, поправляя машинально свой пугающий меня талисман. — Из Минеральных Вод звонил мне сюда, в Абакан...

У него все-таки предчувствие было. Перед второй отправкой он мне, как бы ни к чему, но сказал: "Священник опять благословлял нас. В августе всего окропил святой водой, я аж мокрый с лица был. А сейчас... Только одна капелька упала на меня..."

Уже — воспоминания, воспоминания со слов Алены. Кто бы знал! Я вообще не знал, что живет такой парень... Жил. С Аленой же тогда расстались мы как-то неловко, с недоговоренностью. Она извиняюще-виновато улыбнулась, уже в дверях, и ушла. Ушла в свое одиночество, без Него. Непоправимое одиночество. Разве она могла знать, что и по ее судьбе просторчит Чечня?

После этого я готов был уже писать материал. Но, сами понимаете, не хватало встречи с матерью. С матерью Николая. Для меня она жила "где-то" в Абакане. Считал про себя, что прочтет, конечно, публикацию о сыне. Скажут ей об этом. А сам буквально боялся встречи с ней. Лучше потом, как Бог приведет... Ведь три месяца прошло для нее после гибели сына. Три всего месяца! И я пойду мучить-терзать ее вос-по-ми-на-ни-я-ми? Не-ет! Это будет для нее как бы вторая потеря сына. Так я считаю. Именно душевной чуткостью Твардовского продиктованы строчки: "Я знаю, нет моей вины в том, что другие не пришли с войны... Но все же, все же, все же..." Это "все же" как раз и остановило на войне фронтовых кинооператоров снимать тяжелые кадры боевой действительности, которые сейчас были бы бесценны. Это "все же" остановило и меня в смысле встречи с матерью Николая. ...Но она сама пришла, узнав о готовящейся публикации.

Пожилая, уставшая и, конечно, плачущая при одном только слове о сыне. И отступать мне было уже некуда. Я с взволнованным сердцем посмотрел на ее глаза под очками, на скомканный в руке платок, сбившуюся на голове шаль, слушал и видел, как ей не хватало воздуха, чтобы говорить о нем, родном сыночке... Избави Бог нас, журналистов, от таких едва выносимых бесед с беспомощными перед судьбой матерями, потерявшими на беспутной войне родное дитя! Избави Бог! Лишь время спустя я как будто очнулся и понял, что мы поговорили и, наверное, от этого Нине Васильевне Колмаковой (так хотелось бы думать) стало хоть на минуту чуть легче. Хотелось бы думать!

— Первый раз он у меня уезжал в Чечню — не сказал, — говорит совсем постаревшая женщина. — В Москву, мол, мама, еду, на

повышение. Только-то. Я ... я до сих пор не могу... Омоновское обмундирование, его защитное, осталось у меня. Я в нем только и видела его. Бедного моего... — плачет.

— По характеру он был прямой. Все в глаза выскажет. Что задумал, обязательно сделает. Две благодарности я за сына получила!... Он у меня умный был... — плачет. — "Что я даром учился, мать?" — все говорил мне. Такой старательный, исполнительный...

Нина Васильевна разошлась с мужем, когда Коле был один год. Где-то в Томской области тот жил. Сейчас что с ним — неизвестно. "Мама, не хочу видеть отца", — говорил Коля в прежние годы. На похоронах погибшего сына такой отец, конечно, не был. Да и кто его хотел бы здесь видеть?

Я смотрю на Нину Васильевну, а сам вдруг вспоминаю "Судьбу человека" Михаила Шолохова. Такое не придумаешь... А она, слышу, уже рассказывает про свой сон, вещий сон:

— Я за день до гибели Коли ночью вижу сон (он в воскресенье погиб): двое мужчин идут по земле. В черном оба. Один другому сказал: "Не ходи в ту сторону!!!" А они ведь в действительности так и погибли с Инкиным! Тот, Дмитрий, шагнул в сторону-то. И пошел... Коля, говорят, его останавливал. (Плачет). Он сапер у меня был. Инкин подорвался, не Коля. А у меня-то сына только ранило... Прыгающая мина оказалась. Живот ему разрезало... Шесть часов жил еще. Под морфием и заснул.

Уснул, уснул сыночек мой... (Плачет).

Я тоже верю, что Николай не погиб. Он уснул. И к матери снова во сне ее одиноким приходил, кофту теплую просил. "Чтобы не сердился, я кофту ему эту протянула..."

Такой здоровый, красивый парень-то.

Был. В жизни умел пошутить. И в письме к Алене: "На улице сейчас вышел — так здорово! Небо такое звездное, как погоны капитана". В стихах — тоже:

А мне не хочется писать,
Сегодня я в не духе.
И чем бумагу зря марать,
Уж лучше почешу я в ухе.

Двадцать пятого февраля мать, родные и друзья отметили Николаю двадцать пять лет. И он там был, именинник. Может, чуть-чуть только опоздал. Ведь недаром все свои письма он так и заканчивал: "До свидания. Ждите, и я вернусь..."

V. ЗИМНЯЯ РОЗА

О КНЯЗЬЯХ, БАЛБАХ И ...САМОГОНЕ

(Из бесед с доктором исторических наук И.Л. Кызласовым)

С таким эрудированным человеком, как Игорь Леонидович, познакомиться счастье. По работе мне трижды довелось быть рядом с ним: в Минусинском краеведческом музее имени Н.М. Мартыанова, на Салбыкском кургане, в Хакасской писательской организации. Ну, были еще разговоры "на ходу", в автобусе по дороге и т.д. Самые любопытные факты, рассказанные Игорем Леонидовичем мимоходом, старался записать в блокнот. Перечитал и решил познакомить

других с этими записями. Высказывания ученого исторически обогащают, расширяют кругозор. Наконец, они просто любопытны. Итак...

* * *

— О, вы знаете, Минусинский краеведческий музей — один из уникальных в мире. Здесь собрание скифской бронзы представлено богаче, чем даже в Эрмитаже. Кроме того, в прекрасной каменной галерее музея находятся два изваяния с руноподобными надписями (самыми древними!), которых нет ни в одном музее мира...

Почему, спрашиваете, камни? Они переживают века. Это было самой надежной "тетрадью". А два названных чудных камня, кстати, были найдены в долине реки Уйбат и у села Знаменка Боградского района.

* * *

— Древние тюрки видели мир в трех измерениях: божественном, земном и загробном. На каменных изваяниях все это было выражено в символах. Если, например, каменная скульптура выпукла, проще сказать — беременна — значит, это символ зарождения жизни. Если же вдруг вы увидите на камне изображенный человеческий рот не вверху, а внизу — это символ поглощения, т.е. смерти. Ноздри, понятно, символизировали ветер, воздушную стихию.

А знаете, почему у некоторых каменных изваяний круглое лицо и на нем — три глаза? Нет, это не изображение причудливого циклопа! Круглое лицо означало солнце, а три глаза — утро, обед, вечер, иными словами, восход, зенит и закат солнца.

* * *

Как вы думаете, какое слово древнее: жизнь, каган или царь? А ведь через слова можно восстановить историю, ее хронологию. Исконно русское слово "князь". Но, оказывается, для девятого века русских князей, не только тюркских вождей, тоже называли каганами! По-тюркски, получается. Потом только пришло слово — кнезе. А цезарь (в дальнейшем — царь) пришло на Русь позднее, из Византии.

* * *

— Меня часто спрашивают: а кому ставили каменные изваяния? В Хакасии — князьям (каганам), в Монголии — вождям государства. Женщины исключались. Причем каганы-герои изображены в камне конкретно, с мечом и чаркой. Ещё встречаются в енисейско-орхонских местах балбы — неотёсанные камни. Они символизируют души врагов, которых убил герой.

* * *

— Согласитесь: многие знают, что одни народы пишут справа налево, другие, как мы, слева направо. На Орхоне древние писали же "от неба" — сверху вниз, а на Енисее в те же времена — снизу вверх, "к небу". По этому главному признаку легко различить границы орхонских и енисейских территорий, расселения древних тюрков. Кстати, первый алфавит появился там, в Монголии, второй — здесь, на Енисее.

Но (иронично улыбается) не надо принимать каменные рисунки за древнюю азбуку! Азбука — за пределами резьбы и вырубки! Писание, в отличие от рисунка, — курсивное, округлое.

* * *

— Сейчас — заметили, большая тяга к изучению своей истории, особенно коренных народов. Прекрасно! Только не надо ограничиваться поверхностными знаниями. А они уже "культивируются". Например, название реки Абакан некоторые переводят как "медвежья кровь". На самом деле у названия этой реки — древнекитайский корень — "айбу"! Сравните: Абакан, Обь, Табат, Уйбат...

Енисей. Сейчас эту реку называют еще Инысай. Но это тоже старинное, конечно, название, но не тюркское! Инысай — так называли реку эвенки, а русские это название "привезли" с собой с Севера. По-тюркски же название этой реки — Кем. Сравните тувинское — Улуг-Хем.

Кстати, уж и про название Республики Тува. Сейчас ее называют Тыва. Но самое древнее название — Тва.

* * *

— Как-то я задался вопросом: откуда в Хакасии название села — Матур? Оказалось все просто, если копнуть древность. Раньше на этом месте и вокруг жила маленькая нация — моторы, с ударением на первом слого.

* * *

— Турки, то есть жители Турции, — это слово произносится так в русской транскрипции. Сами же себя они называют — тюрки. Поэтому за поколения в сознании народа выработалось понятие, что Турция — центр тюркского мира. Отсюда у них сейчас и "скромное" желание — подчинить все другие тюркоязычные народы.

* * *

— Ну а теперь исторический факт "на закуску": в мире проживает тридцать тюркских народов, и только три из них — хакасский, тувинский и алтайский — научились в свое время гнать самогон из...молока.

ЛОМОНОСОВ В ЮБКЕ

Если бы еще даже в юности меня спросили, кто такая Баландина, да еще с именем-отчеством Вера Арсентьевна, я бы вряд ли ответил. Немного подумав, припомнил бы, что когда-то эту фамилию уже где-то слышал. Но в связи с чем — сказать трудно.

А ведь Вера Арсентьевна в 1901 году основала нынешний город Черногорск! Скоро сто лет будет городу среди черных гор.

У Веры Арсентьевны были состоятельные родители. Когда девочка подросла, они отдали ее в Красноярскую классическую гимназию. По всем предметам она успевала хорошо, а вот по иностранному языку — французскому — получала нули, даже не единицы. И надо было так устроить судьбе, чтобы два знаменитых человека встретились. Репетитором по французскому языку у Веры Арсентьевны становится... не кто иной — профессор Казанского университета Николай Федорович Катанов. Смог Николай Федорович обучить иностранному языку свою ученицу, да еще как! В Санкт-Петербурге, а потом и в Париже Вера Арсентьевна не только свободно разговаривала на французском языке, но и писала по-французски научные статьи!

Она, женщина, а не кто-нибудь иной — инициатор прокладки дороги Ачинск—Минусинск. Ведь черногорский уголь надо было вывозить за пределы Хакасии. Вера Арсентьевна создает проектно-исследовательскую компанию, которая ведет разработку будущего пути. Существовало три проекта: провести железнодорожную линию через Салбыкскую степь, второй — через прибрежные степи Абакана, где сейчас находится улус Доможаково, и третий проект — ныне действующий путь Абакан — Ачинск.

Впервые досконально изучила качество озерной воды Ши́ра она же, Баландина. Вскоре она настаивает на том, чтобы на этом целебном озере был построен курорт.

Помнит ее и минусинская земля, если говорить высоким слогом. В годы коллективизации Вера Арсентьевна своими усилиями создала в Минусинске сельскохозяйственную опытную станцию по выведению (представьте себе!) розового масла.

Потом, уже ближе к старости, В.А. Баландина в одной из своих научных статей рассмотрела проблему судоходства на Енисее. Настоящий местный Ломоносов в юбке! Всего же ее перу принадлежит тридцать научных работ.

Умерла Вера Арсентьевна в 1943 году, в Москве, будучи магистром наук.

Рассказал мне в своё время об этой удивительной женщине из Хакасии профессор доктор исторических наук Яков Иванович Сунчугашев.

МИРЫ И АНТИМИРЫ

(О творчестве художницы Тамары Ощепковой)

Я знаю ее давно. Как человека. Еще со времени работы Тамары Ощепковой в областной газете "Советская Хакасия". Приезжала она на работу из Подсинега, иногда с опозданием, и сразу быстро садилась за работу: снимки там подретушировать, заставку к материалу нарисовать... И мелькала иногда в ее взгляде некоторая раздраженность (а может, усталость?), тогда я думал — от этой беспокойной жизни. Все-таки семья, работа в городе, эти постоянные автобусы в Минусинск и Абакан... А ведь хоть и молодая, но женщина, да еще творческая. И не сходились мы с ней близко по характеру, взглядам. Так, на уровне: "Здравствуй! Чте делаешь?" и т.д.

Сейчас вот пишу и вспомнил лермонтовское: усади талант за рабочий стол чиновника — и он умрет от апоплексического удара. Приблизительно так. Теперь я понимаю: то беспокойство, отрешенность во взгляде художницы были не столько от ее замотанности, сколько апоплексическим ударом, только наоборот. А что она художница по-настоящему, узнал случайно, когда Тамара как-то раз принесла в редакцию цветную, в раме, картину. Картина та мне сразу понравилась, потому что, помню, я тут же шутливо ей прочел:

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал —

Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!

Это чуть ли не первое стихотворение М.Ю. Лермонтова. Шутка шуткой, но именно тогда понял я, что в Тамаре Ощепковой как художнице есть что-то серьезное, талантливое.

Как-то раз с работы сбежали мы с ней в кино. И по дороге зашел разговор о ее творчестве. Я, помню, пытался ее убедить, чтобы она серьезно занялась живописью: ведь все задатки есть! И вот тут мне стала понятна ее некоторая неудовлетворенность жизнью... Как оказалось, это шло от творчества.

— Брось, Валера, что ты говоришь! Кому нужны мои картинки?! Не, не-е! Лучше хозяйством заниматься, детей растить. Хоть толк какой будет. А это творчество...

Я ее искренне не понимал. Убеждал: пусть для души, не для других. Она не стала говорить больше на эту тему. Да, я ее искренне не понимал. Мягко говоря... Хотя время было такое, что нельзя было пробиться, чтоб тебя заметили. Искусство тоже было "централизованно". А впустую тратить годы, чтоб тебя, может быть, потом признали... И я где-то понял ее, и больше об этом мы не говорили.

Но она, оказывается, последующие годы писала картины! Это я узнал, правда, только сейчас. А тогда... тогда она уволилась из редакции, бросила ремесло, которое с настоящим творчеством ничего общего, кроме техники, не имело. И действительно занялась хозяйством, детьми. И картинами! Я был рад за нее, когда об этом она сказала мне — всего несколько месяцев назад. Зашла в кабинет улыбаясь, веселая — куда только девалась прежняя Тамарка! "Ага, — с чувством реванша и того, что есть Бог на Земле, сказал я. — То-то!" А сам подумал: пусть не "выставляющаяся" она художница, но хоть радость в ее человеческой жизни поселилась. И слава Богу!

Но к человеку, я все больше убеждаюсь в этом, если он верен своему изванию, рано или поздно приходит признание. Свое. Тамара Ощепкова и раньше, доходили слухи, выставляла свои картины — одну, две в Абакане, Красноярске. А тут приходит в очередной раз и приглашает на ...персональную выставку.

Здесь уж художнику никак нельзя скрыть свой талант или его отсутствие. Не одна, не пять, не десять картин! Или — или. Люди, пришедшие на выставку, сразу поймут, талант перед ним или ремесленник. Это — что касается ценителей. Факт, конечно, немаловажный. Но прав был Пушкин: художник сам себе судья. Он-

то понимает, что творит. И если нашел себя, то уверен в себе, и уже мало что для него значит постороннее мнение.

Оно волнует его, конечно, обижает или радует. Но, думаю, не определяет отношение к творчеству вплоть до его пересмотра, ревизии. Недаром ведь, вспомним историю, многие художники рисовали и продолжали рисовать свои картины, хотя признание к ним приходило лишь после смерти и умирали они в нищете. Недаром!

...С понятным любопытством и надеждой, подогреваемой некоторым знанием творчества Тамары Ощепковой, пошел я на ее персональную выставку. Специально опоздал на открытие с речами, массовым просмотром картин и т.д. Я пришел тогда, когда сразу можно было остаться наедине с художником, чтобы никто не мешал всматриваться, "вслушиваться" в картины, чувствовать их "схваченную энергетику", иносказательность, мистику, если хотите. И, переходя от полотна к полотну, я наполнялся надежной радостью: передо мной был неповторимый художник. Художник трагического восприятия мира. А еще древние заметили, что в этом — один из признаков таланта...

И сразу пришло на ум вознесенское: "Миры и Антимиры". Именно так, оказывается, чувствует художница действительность, наше временное пребывание на Земле.

"Автопортрет", выполненный в 1993 году. Что, думаете, на нем изображено? Земля. Лес. Озеро, достаточно большое. И на фоне такой земной реальной воды (или из воды?) — го-ло-ва, лицо, облик... Тамары. Такой узнаваемый и в то же время — "отошедший" к природе, растворившийся в ней. А точнее — с ней слившийся. И реально, и мистически жутковато, и символично. А мысль от "прочтения" этой картины приходит потом, и довольно банальная, насколько и верная: мы — часть природы, мы рождаемся, живем и умираем в ней. "Я — часть тебя, Природа". И это чувство неожиданности, с которой "нарисована" эта мысль, уже не оставляет душу, волнует и продолжает удивлять.

Картина "Волки". Точнее — Большие волки. Ночь. Буран. Волковожак. Его глаза смотрят прямо в тебя, в твой страх: такой зверь беспощадно разорвет любую попавшуюся жертву. Выжидательно-нападающий взгляд зрачков-углей, а за ним, вожаком, — стая "верных друзей". Такое впечатление, что они сейчас выпрыгнут на тебя из картины. Отходишь.

"Война миров". Неожиданное решение! Мрачный многоэтажно-коробочный город. Тени людей в узких-узких, где-то внизу, улицах. Вечер? Ночь? И вдруг картина останавливает: над городом, таким понятным, — огромный человеческий глаз. Или чей другой? Кто сверху

наблюдает за нашей муравьиной жизнью? Какой антимир существует там, над нами, который мы не видим? Вот он, внимательный глаз с красным веком...

Кто будет спорить, что искусство надо понимать? Но прежде его надо чувствовать. Если первого нет — второе неинтересно. Или — или...

"Пыльная буря". Ну что в этом, таком обыденном, названии? Мы все видели эти пыльные бури — никак в Хакасии живём. Но вот как чувствует мир во время бури художник Тамара Ощепкова? Две лошади стоят — голова к голове, шея к шее. Хвосты их разносит пыльный ветер в разные стороны. Лошади прижались друг к другу. Они словно защищаются от неведомой, пришедшей в мир силы, прячутся, находя опору друг в друге, от бесчинства — нет, не ураганного ветра, а чего-то большего, что владеет и землей, и высокими деревьями, и пространством воздуха. Беззащитность всего живого ощущается так явственно перед натиском потусторонней силы, что веришь: наш мир управляем кем-то всевидящим, предостерегающим.

"Чёрная степь", "Чужой лес"... Прочтите еще раз последнее название: чу-жой лес. Чужой. Почему чужой? Чужого леса не бывает. Есть незнакомый лес. А тут — чужой. Что изображено? Темноватый лес. Черная кошка. Но такая кошка, будто в ее шкуре — перевоплотившаяся ведьма. Это первое нехорошее чувство. Оно усиливается, когда видишь на переднем плане убитую птицу... Кем убитую? Ведь кошка только подкрадывается! Чур, чур отсюда! Чужой, потусторонний лес. Не сказочный, а именно потусторонний.

Даже в совсем реальных картинах ("Сиреневый туман", "Воспоминание о лете" и других) художница талантливо передает (такое призвание!) враждебность окружающего нас мира — нам, людям, каждому человеку. Незнание этого мира. То, что тяжелое (или фантастическое) нам еще придется о нем узнать (каждому!) в скором времени. Чтобы чувственно понять, о чем я говорю, достаточно задаться ночью вопросом: что такое смерть? Не в смысловом понимании (тут все ясно), а в подсознательном. Никто из живых на это не даст спокойного ответа... Почему-то особенно ночью.

Кто за нами "оттуда" следит, кто заворачивает, что становится страшно, как в детстве? Кто? Мы все из земли вышли и в землю уйдём...

Миры и антимиры Тамары Ощепковой. Ее творчество заставляет заново мучиться вечными вопросами бытия и небытия. Потом я назвал бы ее философским художником, о чем-то предупреждающем нас в этой солнечной жизни, напоминающей о том, что где-то есть ее зазеркалье.

ЗИМНЯЯ РОЗА

Я никогда раньше не видел железной розы. И вот она — на металлическом стебле, с такими же листочками, созревающим бутонем. И шипы мастер вкрапил в стебель. Я взял зимнюю розу в руки. Увесистая! Но не чувство молотка, а чувство нежности вызывало это искусное изделие кузнеца — ручная штучная работа. Говорят, чудеса от объяснения тускнеют. Но то, как сделана была эта роза, я, как ни

вертел её в руках, так до конца понять и не смог.

...Шел снег. Предновогодний. И потеплело. Черная, с эмалью лака, роза, воткнутая в снег, напоминала о себе строчками "...эмблема печали". А мастер — здоровый зрелый мужчина, сотворивший эту крохотную нежность в образе цветка, лукаво, с хитринкой, щурил глаза и едва заметно улыбался. Может, над нами? А может, от радости? Звать кузнеца Алексей Дмитриевич Григорьев, а работает он в Черногорске, в корпорации "Соболь".

Непросто складывалась судьба у этого человека. Наверное, только тяга к своей редкой уже работе и спасла его от жизненного бездорожья.

— Эту розочку железную сделал я за две смены, то есть за шестнадцать часов, — говорит, как будто чего-то стесняясь, Алексей Дмитриевич. — Я что-то делаю для себя, когда хочу отдохнуть.

Это истинное произведение искусства он назвал отдыхом. И "отдыхал" кузнец над розой в элементарной грубой кузнице, а не в изысканной мастерской. "Мне не мешали...", — только и сказал. Вот и все, что ему было надо. Наверное, поэтому мы удивляемся одаренным, талантливым людям. Они живут и работают в тех же условиях, что и мы, но в душе у них есть это "чуть-чуть", что и делает обыкновенную работу искусством.

А до зимней розы Алексей Дмитриевич попробовал сделать подсвечники на четыре свечи — для друзей. Пять штук выпустил, не похожих друг на друга. Известен немного стал.

— Потом пришел к нам отец Серафим, — рассказывал мне главный инженер корпорации "Соболь" Сергей Николаевич Воронин. — Пришел и попросил сделать для церкви кое-что. Мы тогда уже вставали на ноги и денег с батюшки решили не брать: пусть грехи за нас, мирских людей, отмаливает! Дмитрич отковал ажурную ограду для церкви. Им понравилась. Потом — крепления под колокола...

Я побывал у церкви в Черногорске. Видел эту черную ажурную ограду. Сколько работы! Зато ограждение это, в отличие от бетонного забора, который "задавил" весь Черногорск, рождает не угнетенное состояние тюрьмы, а красоту, рождает чувство близости человека к нему.

Алексей Дмитриевич Григорьев для церкви сделал уже многое. Центральную люстру на двадцать четыре светильника! Люстру на девять светильников... На это ушли месяцы кропотливой творческой работы. Без всяких схем и чертежей, по своему отменному вкусу, наитию таланта. Дело его, таких увесистых, а в действительности тонких рук мастера, — еще девять настенных светильников в храме. Все это покрыто под золото, искрится при свете.

— Для церкви еще много работы, — без вздоха, свободно говорит Алексей Дмитриевич. — Ажурное ограждение на церковный парадет нужно делать. Это немало займет времени. Ведь на ограду вокруг церкви я потратил полгода.

Пусть будет угодная людям и Богу работа его.

А.Д.Григорьев не скрывает, что благодаря генеральному директору корпорации "Соболь" Николаю Ивановичу Кочурову, главному инженеру он получил возможность "работать так, как я хочу".

Вымирало, а сейчас, быть может, через таких вот людей возрождается исконно русское ремесло кузнеца. Отец Григорьев Дмитрий Владимирович, работал кузнецом в Енисейске. Старший брат Михаил, тоже кузнец, там живет. Отец всегда и везде работал только в кузнице. И они, Алексей и Михаил, топтались вокруг него.

— Он был сильный кузнец! — негромко, но убежденно говорит Алексей Дмитриевич. — Даже в письмах мне многое объяснял по кузнечному делу. Сейчас я так думаю: в чем-то отец был выше меня, в чем-то я его превзошел.

Если в целом говорить о "Соболе", то корпорация эта занимается благотворительностью не только через кузнеца. Предприниматели, по словам С.Н. Воронина, закупили для Черногорского дома-приюта медикаменты и одноразовые шприцы, передали сиротам итальянскую обувь на три миллиона рублей, компьютерные игры, телевизоры и т.д.

Благотворительность — всегда в цене, и не только потому, что она бесплатная. В этом есть движение души. Как и в мастере. Потому и "штучные" специалисты, как кузнец, тоже всегда в цене. Ибо и он своей бескорыстной талантливой работой делает имя "Соболю". И хотя доходы нужны, имя — дороже.

... Падал снег. Предновогодний. А роза в снегу не завяла. Она зимняя. Железная. И всегда будет расцветать в новогоднюю ночь. Как душа, в которую вдохнули нежность.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
I. "Я ЖИВУ НА ОТКРЫТОЙ ЛАДОНИ"	5
Я живу на открытой ладони	5
Он успел сказать своё слово	11
Первая женщина из Чилан	16
"Наш поэт...наш учитель", или Наслаждение творчеством	21
"После меня останутся пчёлы, книги и сады"	26
"Из нежных слов я соткан..."	29
II. ЕЁ ДОМ — ТЕАТР	
Я видел Марецкую	33
Её дом — театр	37
III. ЖИЗНЬ НА ВЫСОКОЙ НОТЕ	41
Жизнь на высокой ноте	41
Сколько стоит музыка к "Вишнёвому саду"?	49
IV. "ЖДИТЕ, И Я ВЕРНУСЬ"	55
Человек из легенды	55
"Ждите, и я вернусь"	58
V. ЗИМНЯЯ РОЗА	64
О князьях, балбах и ...самогоне	64
Ломоносов в юбке	67
Миры и антимиры	69
Зимняя роза	73

ВАЛЕРИЙ ПОЛЕЖАЕВ

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ ЧИЛАН

(Сборник публицистических рассказов)

На русском языке

Редакторы

Н.М. Дувакина

В.В. Чезыбаева

Компьютерное обеспечение

Н.Л. Боргояковой,

В.В. Киштегевой

Сдано в набор 3.11.97. Подписано в печать 2.12.97. Формат 60х90 1/16.
Бумага газетная. Гарнитура Times New Roman Сут. Усл.печ.л. 4,8.
Уч.-изд.л. 4,6. Тираж 500 экз. ЛР № 020856 от 8.02.94.

Отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО
660602, г. Абакан, ул. Саралинская, 26

ВАЛЕРИЙ ПОЛЕЖАЕВ — член Союза журналистов России, корреспондент республиканской газеты "Хакасия", достаточно известен читателям как автор этюдов о природе, истории Хакасии, о её ярких и интересных людях.

"Первая женщина из Чилан" — документально-художественный сборник об известных писателях, поэтах, художниках, композиторах и просто достойных в творчестве людях республики.

Валерий Полежаев со стихами и рассказами печатался почти во всех районных газетах Хакасии, республиканской газете "Хакасия", молодежной краевой "Красноярский комсомолец", союзном журнале "Агитатор".

Его эссе, стихи выходили в местных журнальных изданиях "Новь", "Стрежень".

Валерий Полежаев — один из участников стихотворного сборника "Я разгадал зеленый стих...", детского журнала "Хоор-хоор", автор сборника этюдов "В любви есть привкус смерти", вышедшей только что в издательстве ХГУ.

"Первая женщина из Чилан" — его третья книжка.